

РОСС ЛЭЙДЛОУ

АТТИЛА,
БИЧ БОЖИЙ

Всемирная история в романах

Росс Лэйдлоу

Аттила, Бич Божий

«ВЕЧЕ»

2004

Лэйдлоу Р.

Аттила, Бич Божий / Р. Лэйдлоу — «ВЕЧЕ», 2004 — (Всемирная история в романах)

Европа. Начало V в. н.э. Два старых друга, а теперь – злейшие враги, сходятся лицом к лицу на поле боя. Аттила, предводитель гуннов, уже испытал разлагающее влияние власти, тогда как Аэция, последнего из великих римских полководцев, власть облагородила. Ставки в предстоящей битве как никогда высоки: от ее исхода зависит судьба как Рима, так и империи гуннов...

© Лэйдлоу Р., 2004

© ВЕЧЕ, 2004

Содержание

Автор выражает благодарность	5
Историческая справка	6
Часть первая	8
Пролог	8
Глава 1	14
Глава 2	18
Глава 3	23
Глава 4	28
Глава 5	40
Глава 6	44
Глава 7	46
Глава 8	49
Глава 9	54
Глава 10	58
Глава 11	64
Глава 12	69
Глава 13	72
Глава 14	74
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Росс Лэйдлоу

Аттила, Бич Божий

*Маргарет, моей жене, Кеннету, моему сыну, Рут, моей дочери,
Биллу, ее мужу, и их сынишке, Уильяму Маккинли*

Автор выражает благодарность

Биллу Пэйджету, доктору Альберто Массимо, Рою Эллису и Барбаре Хэйли – за неоценимую помощь в поисках информации в Интернете, а также Хелен Симпсон – за прекрасное редактирование. Особую признательность хотел бы выразить моим издателям Хью Эндрю (посеявшему семя и сделавшему все возможное для того, чтобы оно возросло) и Невилу Мойру – за неизменную поддержку и ободрение

Историческая справка

В 376 году, ровно за сто лет до конца Западной Римской империи, случилось нечто из ряда вон выходящее. Целая германская нация, визиготы, собралась у берегов реки Дунай и отправила послов к римскому императору Валенту со смиренной просьбой принять ее, обещав, что будет вести себя спокойно и поставлять, если того потребуют обстоятельства, вспомогательные отряды. На то у визиготов имелась веская причина: с востока на них внезапно напало ужасное племя кочевников-воителей, гуннов, столь жестокое и многочисленное, что германцы в страхе бежали к римской границе. Римляне отнеслись к незванным гостям благосклонно, и все, казалось бы, шло хорошо – готы мирно возделывали землю или рекрутировались в легионы, – но лишь до тех пор, пока нещадная эксплуатация визиготов коррумпированными римскими¹ чиновниками (доходило до того, что умиравшие от голода готы вынуждены были продавать своих сыновей в рабство в обмен на жалкие подачки) не подвигла гордое германское племя на восстание. В августе 378 года в окрестностях фракийского Адрианополя они наголову разгромили огромное римское войско восточного императора Валента, встретившего на поле боя свою смерть (к тому времени империя уже разделилась на две части, со столицами в Милане и Константинополе). Столь серьезных поражений Рим не терпел с 216 года до н.э., когда грозная римская армия была в пух и прах разбита при Каннах значительно уступавшим ей в численности карфагенским войском Ганнибала.

Приструнить визиготов удалось жесткому, но дипломатичному Феodosию I Флавию, последнему великому римскому солдату-императору. Заключив с готами мир, он поселил их в Мезии в качестве федератов. Империя, вновь, казалось бы, обретшая силу и спокойствие, на какое-то время (в последние годы правления Феодосия I) вернула себе прежнюю целостность, но стоило ему умереть в 395 году, как юные и слабовольные сыновья императора Гонорий и Аркадий опять позволили ей разделиться на две части, на сей раз – окончательно (первый стал править на западе, второй – на востоке).

Мягкотелому Гонорию было далеко до лавров усопшего отца, и Западная Римская империя погрузилась в кризис. В 395 году визиготы под предводительством Алариха покинули Мезию и двинулись сначала на Балканы, а затем и в Италию, куда, начиная с 401 года, вторгались неоднократно. Возглавляемым выдающимся полководцем Стилихоном (фактически правившим на Западе в качестве опекуна малолетнего императора Гонория) римлянам несколько раз удавалось победить варварское войско Алариха, но тот всегда благополучно избегал пленения или смерти, возможно, из-за того, что Стилихон испытывал к предводителю готов определенное уважение. В последние дни 406 года разразилась катастрофа. Собравшиеся воедино германские племена – вандалы, свевы, бургунды и прочие – пересекли замерзший Рейн и вторглись в Галлию, а затем поселились в Испании. Стилихон, вынашивавший в то время грандиозные планы по отъему Балкан у Восточной Римской империи, допустил роковую ошибку, не сочтя нужным пойти на конфликт с германцами; в результате же потерял власть и был казнен. Визиготы вновь заполонили Италию; кульминацией их нашествия стало разграбление Рима в 410 году, но триумфом Аларих упивался недолго – спустя несколько месяцев он умер своей смертью. Вскоре готы ушли из Италии, увезя с собой сестру Гонория, Галлу Пладию, плененную во время падения Рима (в конечном счете римляне выкупили ее за полмиллиона мер зерна). Британия, лишенная узурпатором войск, получила от Гонория совет защищаться от набегов саксов, пиктов и скоттов (из Ирландии) собственными силами.

Столь критически складывавшуюся для Запада ситуацию удалось стабилизировать и в какой-то мере изменить выдающемуся римскому полководцу Констанцию. Его мирная поли-

¹ С 212 г. н.э. все свободные жители империи считались римлянами.

тика убеждения привела к тому, что визиготы вернулись в Римскую империю и поселились в ряде имперских провинций. Гонорий оценил усилия своего полководца по заслугам, назначив его в 421 году соправителем Западной Римской империи (под именем Констанция III) и санкционировав его женитьбу на Платидии, которая родила Констанцию сына, будущего императора Валентиниана III, и дочь, Гонорию, чья скандальная связь с вождем гуннов, Аттилой, привела Западную империю к преждевременному концу. (Планы по возврату Британии пришлось отложить на неопределенное время.)

К несчастью, Констанций умер уже через несколько месяцев после получения императорского сана. Но проделанная им большая работа, направленная на то, чтобы римляне и их германские «гости» (как эвфемистически называли федератов) гармонично сосуществовали в пределах Римской империи, стала делом жизни другого римского полководца, Флавия Аэция. Задача его осложнялась религиозной проблемой. К тому времени официальной религией римского государства уже было признано католическое христианство. Обосновавшиеся в империи германцы тоже являлись христианами, но считали себя арийцами. Согласно их убеждениям, Бог Сын стоял в небесной иерархии ниже Бога Отца, что полностью укладывалось в традиции германского патерналистского общества. В глазах же римлян сей факт превращал визиготов в еретиков, перешедших все границы приличия.

В 423 году от Рождества Христова – а именно с этого времени начинается наше повествование – Гонорий умер, не оставив после себя никакого потомства, что немедленно создало вакуум власти. Восточный император, Феодосий II, сын Аркадия, отказался от претензий на западный трон в пользу следующего легитимного наследника, Валентиниана, несовершеннолетнего сына Констанция III и Галлы Платидии (императрица и ее маленький сын гостили в то время у Феодосия в Константинополе). Тем временем всю власть на Западе узурпировал Иоанн, провозгласивший себя императором в Равенне, бывшей тогда столицей Западной Римской империи. Тут же из Константинополя в Равенну была отправлена экспедиция (в числе прочих в нее входили Платидия и Валентиниан), в задачу которой вменялось низложить Иоанна. С мольбами о помощи узурпатор обратился к Аэцию. Желая предотвратить приход Платидии к власти в качестве регента Валентиниана – что, по его мнению, имело бы катастрофические последствия для Запада, – Аэций согласился оказать Иоанну поддержку. С собранным на другом берегу Дуная огромным войском, основную часть которого составляли его друзья и союзники гунны (среди них он жил заложником в свои детские годы), Аэций отправился в Италию. В последние весенние дни судьбоносного 425 года две армии сошлись лицом к лицу у Равенны.

Часть первая Равенна 423 – 433 гг.

История Флавия Аэция, последнего римского полководца, и его друга, ставшего впоследствии врагом, Аттилы, предводителя гуннов

Пролог

Выругавшись, Тит Валерий Руфин прилепнул укусившего его в шею комара. Даже здесь, в тридцати метрах от земли, на крыше равеннской базилики Урсиана, нового собора епископа Урсия, эти паразиты не знали покоя. Взор его вновь обратился к востоку: поднимавшееся над Адриатическим морем воспаленно-красное солнце предвещало очередной невыносимо жаркий день. Мгновение – и засверкали под ранними лучами башни императорского дворца, озарились зубчатые городские стены, засияли верхние своды акведука, построенного по приказу императора Траяна триста лет тому назад, заискрились золотом купола церквей, пришедших на смену языческим храмам. Застилавшая Равенну легкая дымка постепенно расплзалась: при желании уже можно было различить очертания огромной насыпи, соединявшей город с расположенным в четырех с половиной километрах к юго-западу портом Класис; дорога туда шла через неимоверно разросшуюся Цезарею, предместье западной столицы. Прошло еще немного времени, и Титу открылся весь этот, столь знакомый, но оттого не менее унылый, пейзаж: болота и лагуны, чье однообразие нарушали лишь редкие заросли ивняка да сверкающая рябь Фосса Аугусты, громадного канала, связывавшего Равенну с рекой Пад.

Вскоре по отбрасываемому вражескими доспехами и оружием тусклому мерцанию, тонким струйкам дыма, исходящим от разожженных костров, и слабым звукам труб Тит понял, что противник, разбивший в Цезарее лагерь, приходит в движение. Следующий час ожидания показался ему целой вечностью. Вражеское войско – прибывшая из Восточной империи конница, во главе которой стоял Аспар, сын Ардавура, бывалого солдата и полководца, – рассредоточилось по насыпной дороге. Прищурившись и вытянув вперед сжатую в кулак руку, Тит принялся считать всадников: пятьдесят – между двумя суставами пальцев; десять, двадцать, тридцать рядов... Наиболее отдаленные от Тита конные отряды сливались в расплывшиеся светящиеся пятна, что делало точный подсчет невозможным; тем не менее, по его прикидкам, всадников было никак не меньше пяти тысяч, возможно – около десяти.

Прошло еще несколько минут, и до Тита донесся приглушенный резкий звук – то заиграли трубы.словно гигантская гусеница, огромная колонна поползла по насыпи в направлении города. Когда она оказалась в пяти или шести сотнях шагов от городской стены, Титу удалось рассмотреть различные типы конницы, составлявшие авангард вражеского войска: *catafractarii*, с головы до пят закованные в доспехи и выглядевшие удивительно безжалостными; *clibanarii* в кольчугах и шлемах; легкая конница, вооруженная копьями, небольшими круглыми щитами и касками; конные лучники и прочие вспомогательные формирования. Увиденное Тит постарался сохранить в голове, используя старый цицероновский метод – так называемые «дворцы памяти», воображаемую анфиладу комнат, каждая из которых содержит определенный сегмент информации, легко припоминаемой при прогулке по «залам».

Нужно поторапливаться. При входе в город через Авреанские ворота, как и при выходе через Ариминские, колонне, конечно же, придется замедлить ход, но любая секунда, выигранная им во время возвращения в штаб с донесением, позволит командующему – полководцу

Аэцию – лучше подготовиться к сражению, которое, похоже, уже неизбежно. Передвигаясь ползком, Тит добрался до выходявшего на крышу люка и по приставной лестнице спустился на поддерживаемую лесами платформу – работавшие там мастера еще не закончили укладывать стенную мозаику, на которой восседавший на земном шаре Христос отделял овец от козлищ в Судный день. Великолепно прорисованное лицо Иисуса выражало несовместимые, казалось бы, чувства – доброту и силу, сострадание и мощь. Преисполненный эмоций, Тит преклонил колени перед образом и осенил его крестным знаменем. (Недавно он, язычник в молодости, обратился в новую веру.) Умиротворенный и окрыленный, продолжил он свое нисхождение. Иподиакон, тайно впустивший Тита в собор, дождался его у подножия лесов. Вместе они поспешили прочь из этого впечатляющего – пять нефов, пятьдесят шесть мраморных колонн, восхитительная мозаика, переливающаяся в сумерках голубым и желтым цветом, – строения.

– Прощай, сын мой, – прошептал клирик, заперев массивные двойные двери. Подойдя к Титу, он вложил в его руку крошечный амулет: выбитые на нем греческие литеры «Хи – Ро» символизировали христианскую веру. – Храни тебя Господь и ниспошли тебе благо.

* * *

С небольшой возвышенности, где, рядом с лагерем гуннов, находился штаб Аэция, Тит наблюдал за тем, как – примерно в километре от них – разворачивает свои силы неприятель. От возбуждения и страха у него свело живот. Войско Аспара расположилось довольно-таки удачно: окружить рассыпавшихся тройной цепью на сравнительно твердом участке земли между болотами всадников не представлялось возможным. Фланги защищала тяжелая конница – *catafractarii* и *clibanarii*, в центре выстроились легкая конница и конные лучники. В тылу, на приличном расстоянии, противник поставил вспомогательные обозы. Тит бросил мимолетний взгляд на сбившихся в кучу у подножия холма гуннов – кружившая на одном месте орда, казалось, вот-вот была готова сгореть от нетерпения.

Нас ждет исключительно конное сражение, думал он, такого в долгой истории Рима еще не бывало. Вплоть до последнего времени победы добывались лишь за счет хорошо вооруженных легионеров. Но корабли, которые должны были доставить пехоту Восточной империи из Константинополя, попали в шторм, разбросавший их по всему побережью, а командующий, Ардаур, угодил в плен. Аэцию же, здесь, на Западе, не удалось собрать сильную армию, что заставило его искать союзников на другом берегу Данубия. И такие нашлись – гунны, превосходные лучники и, возможно, лучшие на земле наездники.

Гунны Аэция, с коими мало кто мог сравниться в умении держаться в седле, численностью своей значительно превосходили восточную конницу. Но, в отличие от вымуштрованных и дисциплинированных солдат Аспара, они мало походили на армию в прямом смысле этого слова. Ни одно из гуннских племен не клялось в верности другим. Любой отдельно взятый гунн был очень силен как воин, но в бою редко приходил на помощь соплеменнику, думая лишь о добыче и трофеях. Тем не менее немногие желали видеть гуннов не на своей стороне. Даже готам, одному из самых воинственных германских племен, пришлось – лет так пятьдесят тому назад – просить прибежища на территории Римской империи после того, как внушающие ужас полчища этих до дикости безобразных кровожадных кочевников смерчем прошлись по их селениям.

Выслушав донесение Тита о силе и передвижениях восточной армии, Аэций, чье войско тогда стояло лагерем в восьми километрах от Равенны, решил дать Аспару бой. Отлично осознавая всю тщетность попыток навязать противнику ожесточенное сражение в окружавших город топях, он отдал приказ выдвигаться к северо-востоку, на менее подтопленные территории.

В сопровождении полудюжины офицеров и трибунов, и, как обычно, не забыв надеть свою вогнутую кирасу и небрежно накинуть перевязь, Аэций стремительно выскочил из командного штаба и направился к группе курьеров, разведчиков и младших офицеров, куда входил и Тит. Полководец, достаточно молодой еще человек среднего роста, просто-таки излучал энергию и уверенность. Яркое солнце, прошедшее лишь четверть ежедневного своего пути, заставило Аэция прищуриться и криво ухмыльнуться.

– Ничего бы не имел против того, чтобы повременить со сражением часов этак до девяти², – громко произнес он. – Тогда солнце оказалось бы позади нас, и этим глупцам несладко пришлось бы в их-то доспехах. Не уверен, правда, что удастся так долго сдерживать гуннов. – Улыбнувшись, он обвел взглядом своих офицеров. – Поэтому, если ни у кого нет возражений, объявляю игры открытыми. Трубить наступление!

Приложив губы к мундштуку своего музыкального инструмента конической формы, трубач протрубил серию звучных нот. В ту же секунду рванулись вперед всадники-гунны: приземистые, крепко сбитые воины с плоскими азиатскими лицами, в грязных, сшитых из шкур лесных мышей, одеждах, пронеслись они мимо Тита на своих уродливых, но крепких с виду конях подобно стрелам, пущенным искусной рукой, и имел каждый из них из оружия лишь изогнутый лук да полный стрел с наконечниками из кости колчан. В благоговейном трепете наблюдал Тит за тем, как в доли секунды наводнили они все пространство вокруг холма, где стояли римляне, и волной накатились на вражескую армию, скрыв за собой линию горизонта.

Хотя и не хватало гуннам четкой организации, действовали они так, словно вела их за собой коллективная воля. Идеально исполненный конный маневр – такие не всегда удаются даже знаменитому римскому *ala*, и первые ряды всадников разлетелись направо и налево – тогда, когда до войска Восточной империи оставалось не более сотни стадий, и галопом пронеслись параллельно вражеской коннице, осыпая ее градом стрел. Так, волнами, напоминаящими скорее огромный водоворот, и накатывали лучники-гунны на замершую в статичном положении конницу Аспара. Ранее выражение «небо стало темным от стрел» Тит воспринимал с недоверчивой улыбкой. Теперь-то он знал, что возможно и такое.

Так продолжалось около часа. Затем гунны увели загнанных лошадей на прежние позиции, и стоявший на пригорке Тит получил возможность оценить результаты их вылазки. К немалому его удивлению, впечатляющими они не оказались. Судя по всему, стрелы гуннов отскакивали от доспехов конников Аспара, не причиняя последним никакого вреда. Основной удар на себя приняла центральная часть восточного войска – с усеянными десятками стрел щитами эти воины походили сейчас на стадо дикобразов. Потери восточная армия понесла незначительные: несколько лошадей и пара-тройка всадников – убитыми, да дюжины полторы воинов – ранеными. Для гуннов же, не имевших ни кольчуг, ни щитов, ни какой-либо другой защитной амуниции, все сложилось гораздо хуже: поле боя было усеяно рядами трупов в кожаных накидках, что явилось лучшим свидетельством силы и эффективных действий конных лучников Восточной империи. К тому же сейчас, в начале мая, лошади гуннов находились еще не в лучших своих кондициях, особенно в силу того, что на тяжелых, вязких почвах у реки Пад не росли те травы, которыми они привыкли питаться. В отличие от гуннов, восточные римляне привезли с собой в походных обозах достаточно зерна для того, чтобы их боевые лошади были готовы переносить тяжелые испытания на протяжении долгих и долгих дней, недель, а то и месяцев.

– Ну что ж, как видно, так мы ничего не добьемся, – невозмутимо произнес Аэций. – Если Аспару удастся и далее сохранять подобное боевое построение, мы можем атаковать его

² Девять часов у римлян соответствуют пяти-шести часам вечера по нашему времени. Римский день – от рассвета до заката – был разделен на двенадцать часов, которые варьировались по продолжительности в зависимости от сезона. Полдень соответствовал шести часам у римлян.

хоть сутки напролет – и все без толку. – В притворной мольбе он вскинул вверх руки. – Идеи, мне нужны свежие идеи! Давайте, думайте – я жду.

– Продолжим наступление, господин, – выступил вперед один из трибунов. – Так мы их непременно измотаем, пусть даже ценой значительных потерь с нашей стороны. Гуннов так много, что мы этого даже не заметим.

– Превосходно, Марк, просто превосходно, – в голосе Аэция звучал мягкий сарказм. Он похлопал ветерана по плечу. – Гунны – это тебе не римляне, глупая ты башка. Им не скажешь: сделайте-ка это, а потом – то-то. Им нужен немедленный результат, и если они понимают, что не могут его добиться, моментально теряют к делу интерес. Да и как ты будешь ими командовать? Мы, римляне, можем считать их расходным материалом, обычной солдатской массой, посылаемой на убой, но, думаю, что сами они имеют на этот счет другое мнение. Видел, какие у них лошади? Не знаю, надолго ли их хватит; полагаю, максимум – еще на две-три такие вылазки... Будут еще какие-то предложения?

Повисла оглушительная тишина, грозившая перерасти в просто-таки совсем неловкую паузу, как вдруг Тит услышал собственный голос:

– А что, если попробовать зайти к ним с тыла, господин? Да, знаю – с флангов они защищены непроходимыми с виду болотами, но что, если нам все же удастся найти какую-нибудь тропу?... – Он на секунду прервался, осознав внезапно, что из присутствующих он, наверное, самый молодой и не имеет права вступать в разговор без разрешения более опытных офицеров. – Моему отцу удалось нечто подобное, – храбро выпалил Тит, – в Полленции, где мы сражались против готов Алариха.

– Что и решило исход боя в пользу Флавия Стилихона. Как же, как же, припоминаю, – одобрительно произнес Аэций. – Ты делаешь успехи, юный Тит. Я сам уже об этом подумал. Если гуннам удастся обойти противника с фланга, их уже ничто не остановит. Что ж, попробовать стоит. А не провести ли нам разведку? Конюший, седлать Буцефала! Тит, Виктор – со мной! А ты, Марк, до моего возвращения держи гуннов на коротком поводке.

* * *

– Возвращаемся, – сказал Аэций спутникам, вытирая пот со лба. – Всё, что могли, мы сделали.

Огибая правый фланг неприятеля – для чего пришлось сделать значительный крюк, – они сумели, хотя и не без труда, обнаружить узенький проход через кишашую москитами топь, выведший их на твердую почву в нескольких километрах от того места, где стояли походные обозы Аспара. Проблема же заключалась в том, что по дороге, где могла пройти небольшая конная группа, совершенно невозможно было провести целый отряд.

– Господин, смотрите! – воскликнул Виктор, обычно невозмутимый батавианец. В нескольких десятках стадий от них внезапно, словно из-под земли, возникли четыре всадника, по всей вероятности – разведгруппа восточной армии. Трое, судя по их копьям и маленьким круглым щитам, принадлежали к полку легкой конницы, у четвертого же щита не было, что заставляло полагать его тяжелым конником, призванным усилить патруль. Заметив западных римлян, все четверо прищпорили коней, устремившись им наперерез.

– Уходим, – скомандовал Аэций.

Пустив лошадей галопом, они столкнулись с дилеммой. Держать преследователей на расстоянии можно было лишь в том случае, если бы под ногами их скакунов оставался твердый грунт, но эта дорога выводила их непосредственно к лагерю Аспара. Проблема разрешилась неожиданно.

Погоня длилась уже несколько минут, и западные римляне начали отрываться, когда крик скакавшего в арьергарде Виктора вынудил его товарищей остановиться. Приняв чуть в сторону,

он вылетел с дороги и завяз в трясине. Спешившись, он отчаянно пытался обуздать коня, но испуганное животное его не слушалось и неотвратно погружалось в безжалостную топь.

– Оставь его! – прокричал Аэций. Развернув лошадей, они с Титом скакали на помощь товарищу. Взнуздав коня у самого края покрытого тиной болота, полководец припал к земле и протянул руку Виктору, которого тянуло вслед за лошадью.

– Оставьте меня, господин, – попросил Виктор. – Вы не должны подвергать себя такому риску. Пусть схватят меня, зато спасетесь вы.

– Не будь глупцом, – оборвал его полководец. – Тебя убьют; конные не берут пленных.

Схватившись за руку командира, Виктор позволил вытянуть его из трясины.

– Садись позади меня, – приказал Аэций и вскочил в седло. Молодой батавианец уже занес ногу над лошадью, но тут раздался легкий свист, и в спину ему вонзилась стрела. Виктор приглушенно вскрикнул, кровь хлынула у него из горла, и он рухнул наземь.

Преследователи приближались. Первые трое были уже в нескольких десятках стадий, четвертый, более тяжеловесный, отставал от них, но не намного.

– Твой тот, что справа! – прокричал Аэций Титу, развернув Буцефала и устремившись навстречу двум другим.

На какие-то доли секунды время, казалось, остановилось для Тита. Как во сне, отложились в его голове несущественные детали: застывшая в воздухе рука его противника – та, что выпустила стрелу, убившую Виктора; шлем с длинным гребнем, защитной носовой стрелкой и кожаными наушами с железными чешуйками, придававший всаднику древний, почти гомерический вид; щит с изображенными на нем волками, стоящими на задних лапах; копыта лошади, поднимающиеся и опускающиеся не быстрее галерных весел...

Усилием воли Титу удалось взять себя в руки. Всадник мчался на него со скоростью молнии, на ходу пытаясь вытащить из прикрепленного к седлу кожаного колчана новую стрелу. Выхватив из ножен меч, длинную *spatha*, Тит успел отмахнуться им от атакующего его лучника, но промазал и лишь чудом не вылетел из седла. Столкновения, правда, удалось избежать, но пролетевший мимо него противник развернул скакуна и готовился к новому выпаду. Как опытный наездник, Тит заметил, что конь неприятеля выказывает признаки беспокойства: животное рвануло в сторону и натянуло удила. В какой-то момент либо всадник, либо лошадь потеряет самообладание, решил он. Скорее всего – всадник, чья неуверенность в себе передана коню. Восточная конница еще не успела прийти в себя после жарких боев на персидском фронте; и те, кому пришлось отражать натиск бывших превосходными наездниками персов, вполне могли растерять боевой дух. Уповав на то, что лошадь его противника начнет дергаться и так или иначе подведет своего хозяина, Тит направил коня на врага, постаравшись слиться с животным в единое целое.

Все произошло так, как он и предполагал. Когда неприятель выпустил в его направлении стрелу – она со свистом пролетела рядом со щекой Тита, – испуганная стремительным приближением вооруженного мечом всадника лошадь заржала и встала на дыбы. Когда стальное лезвие, пробив кость, вошло в тело лучника, Тит едва удержался в седле. Краем глаза он успел заметить, как, выронив лук, его противник схватился за грудь и плашмя свалился на землю. Несколько мгновений он еще бился в конвульсиях, затем затих.

Обернувшись в сторону Аэция, Тит, к ужасу своему, увидел, что дела у того обстоят гораздо хуже. Одного из двух нападавших полководцу удалось убить, и теперь он на мечах сражался со вторым конником. Воспользоваться луком последний уже не мог, но главная опасность исходила не от него, а от четвертого конника, закованного в броню *catafractarius*, который вот-вот должен был прийти на помощь товарищу.

Времени на раздумья не оставалось, и, прищпорив коня, Тит устремился навстречу этому гиганту. Одним своим видом тот кого угодно мог привести в смятение: руки и ноги опоясаны многослойными металлическими ободами; все тело защищено соединенными между собой

чешуйчатыми железными пластинами; лицо и голова целиком скрыты за сферической формы шлемом, что делало его мало похожим на человека. Покрота броней была и его лошадь, голова и круп которой спрятались за прессованными стальными листами. В руке уже готовый к атаке *catafractarius* держал тяжелое длинное копьё, смертоносный *kontos*, которым можно было пронзить человека, словно кролика.

Глядя на эту, казавшуюся практически неуязвимой, машину смерти, Тит все же заметил у *catafractarius* одно-единственное незащищенное место: узкую щель между шлемом и скрывавшими туловище латами. «Второго шанса у меня не будет», – подумал Тит, вкладывая в удар всю свою мощь. К его счастью, сила движения мчавшегося на всех порах навстречу противника помогла ему не промахнуться. Тит с трудом удержал равновесие, когда сраженный его мечом *catafractarius* прогрохотал мимо; из горла железного монстра фонтанами била кровь.

Оставшийся в одиночестве лучник счел за благо прекратить сражение с Аэцием и ускакал прочь – благоразумие взяло верх над храбростью. Тем временем лошадь *catafractarius* замедлила свой ход и, наконец, в нерешительности замерла на месте; ее хозяин безжизненно болтался в седле.

– Ты спас мне жизнь, – произнес Аэций, пожимая Титу руку. – И я этого никогда не забуду.

Мысленно Тит перенесся на полтора года назад. Тогда-то все и началось...

Глава 1

*Дурно пахнувшие, семифутовые великаны со спутанными волосами.
Сидоний Аполлинарий. Письма. 460 г.*

Несмотря на то что на улице стоял лишь только октябрь, ветер, пришедший с альпийских перевалов, а теперь рябивший серую гладь озера Бриганция и с ревом пролетавший мимо казарм Сполицина, был столь сильным, что наводил на мысль о скорых снегах. Часовые-римляне, расхаживавшие вдоль разрушавшихся от старости стен форта в легких плащах, дрожали от холода и то и дело дули на сжимавшие древки копий покрасневшие руки, пытаясь хоть как-то согреться. В отличие от непокорных наемников-германцев, расквартированных несколькими сотнями шагов ниже, у озера, не всем из этих солдат предстояло пережить грядущую зиму – все более и более германизированная армия если и пополнялась римлянами, то лишь теми из них, кто оказывался ненужен хозяевам крупных имений. Как правило, в их число попадали те, которые – в силу своей слабости или дряхлости – уже не могли плодотворно трудиться на земле, либо были не в состоянии платить землевладельцу арендную плату.

Сидя за столом в своей маленькой комнате, Тит Валерий Руфин, старший писарь форта, отложил в сторону абак и вписал в кодекс сведения о последней поставке – только что в Сполицин прибыла телега с железными чушками и рогами горных баранов, которые должны были пойти на изготовление арочных планок. Перед тем как возратить громоздкую учетную книгу на место, он вытащил из оборудованного в стене, позади бесчисленных полок, тайника свиток, на котором красовалась надпись: «*Liber Rufinorum*». Раскрутив чистый папирус на полметра, Тит закрепил его на столе при помощи масляной лампы и бронзовой чернильницы. Затем, выглянув из окна – вдруг где-то неподалеку слоняется дежурный трибун? – обмакнул сделанное из тростника перо в чернила и принялся писать:

«Форт Сполицин, провинция Вторая Реция, диоцез Италии. Год консулов Асклепиодота и Мариниана, IV окт. иды³.

После ужасной ссоры с отцом, Гаем Валерием Руфином, отставным офицером, ветераном Адрианопольской и Готской войн, я решил продолжить начатое им дело, а именно – ведение “Книги рода Руфинов”. Сознывая, что для Рима наступают критические времена, мой отец захотел оставить будущим поколениям письменное свидетельство тех событий, участником которых ему довелось быть, и высказал пожелание, чтобы после его смерти занятие это стало семейной традицией. Теперь, когда сердце старика разбито, я чувствую, что пришла моя очередь взяться за перо – может быть, этим мне удастся искупить свою перед ним вину. Отцу, боюсь, вряд ли уже когда-либо захочется взять “Книгу” в руки.

Поссорились мы по двум причинам: из-за принятого мной решения а) стать христианином и б) взять в жены девушку германского происхождения. Теперь Гай, убежденный язычник и римлянин старой закваски, обе эти вещи – германцев и христианство – считает анафемой: германцев потому, что для него они – неуправляемые дикари, представляющие собой угрозу социальному устройству империи; христианство же из-за того, что уводя людские умы от мирских дел к загробной жизни, оно подрывает волю Рима к борьбе за выживание. (По мне, так вера есть не что иное, как любовь к Богу, спустившемуся к людям в облике Иисуса, и она несоизмеримо более значима, чем верование в пантеон людей, которые – если вообще существуют – ведут себя как мелкие преступники или злые дети. Кроме того, – буду честен, – христианин получает и практическую выгоду: язычникам крайне сложно добиться продвижения по армейской или служебной лестнице.)

³ 12 октября.

Я же был столь глуп (теперь и сам это понимаю), что убедил себя в том, что легко сумею заставить Гая войти в мое положение. Когда я приехал на виллу Фортуната, где, неподалеку от Медиолана, проживает моя семья, для того, чтобы представить отцу Клотильду, девушку, на которой собирался жениться, разразилась следующая, крайне ужасная, сцена...»

* * *

– А с виду – совсем не страшные, – рассмеялась Клотильда, указывая на маленькие бронзовые статуэтки, выстроенные в ряд на небольшом столике, стоявшем у края имплювия, четырехугольного бассейна, разбитого посреди атрия. То были боги-хранители домашнего очага, *lares et penates*, коих еще недавно можно было обнаружить практически в любом римском доме. Вот так, открыто, выставив их напоказ, объяснил девушке Тит, Гай рисковал навлечь на себя суровое наказание.

– Если только с виду. А так, эти вещицы могут причинить нам кучу неприятностей. Последний императорский указ строго-настроено предписывает отказаться от всех языческих обычаев, пусть даже и таких незначительных, как этот.

– Так, может, стоит их куда-нибудь спрятать?

– Вполне здравая мысль, не правда ли? Да вот только отец на это никогда не пойдет. Для него это – дело принципа. Будь он христианином ранее, во времена Диоклетиана, из него вышел бы превосходный мученик. А вот и он.

Раздались шаркающие шаги, и в атрий, опираясь на деревянную трость, вошел Гай Валерий Руфин; за ним семенил посланный сообщить о прибытии гостей невольник. Отцу Тита шел лишь шестьдесят шестой год, но из-за преждевременной лысины, морщинистой кожи и сильной сутулости выглядел он на все восемьдесят. Да и вряд ли мог лучше выглядеть человек, всю свою жизнь положивший на участие в бесчисленных военных кампаниях и уход за немалых размеров имением, содержание которого в порядке в тяжелые для всей империи времена требовало огромных усилий.

Лицо старика осветилось радостью.

– Тит! Рад видеть тебя, сын мой, – произнес Гай слабым, дрожащим голосом. – Тебе следовало сообщить нам о своем приезде заранее. – Прислонив трость к стене, отец заключил сына в теплые объятия, после чего окинул любящим взглядом. – Эта форма тебе к лицу. Жаль только, что, состоя на гражданской службе, ты не можешь носить доспехи. В кирасе и шлеме с гребнем ты бы выглядел просто блестяще... Видел бы ты меня на параде в честь победы в битве на реке Фригид... Да, когда-то и я был таким... – Гай замолчал, на лице его блуждала рассеянная улыбка.

Тит опасался, что отец вот-вот бросится в сбивчивые воспоминания о днях своей бурной молодости, но Руфин-старший взял себя в руки и отрывисто произнес:

– Впрочем, я тебе об этом уже рассказывал. Выпьем-ка лучше вина. Парочка амфор фалернского у меня всегда наготове. – Лишь тут он, казалось, впервые заметил Клотильду, и бросил в сторону сына недоуменный взгляд, в котором читалось легкое неодобрение. – Твоя спутница? – Вопрос отца повис в воздухе, словно лишь хорошие манеры не позволяли ему выразить словами то, что его интересовало: кто эта девушка – наложница сына либо же его сожительница? (Для Гая она могла быть либо той, либо другой; других отношений между римлянином и германкой он не признавал. А все в Клотильде – от одежд до цвета глаз и формы губ – говорило о ее тевтонском происхождении.)

Тит взял девушку за руку.

– Отец, это Клотильда; она из знатной бургундской семьи. Мы надеемся, что ты дашь свое согласие и благословение на наш брак.

Гай побледнел и усталился на сына с недоверием – слова Тита повергли его в глубокий шок.

– Но... ты не можешь, – промямлил он наконец. – Она – германка. Это противозаконно.

– Строго говоря, так оно и есть, – признал Тит. – Но ты не хуже меня знаешь, что закон всегда можно обойти – было бы желание. В конце концов, Гонорий и сам женат на дочери Стилихона, который был вандалом. Если ты замолвишь за нас словечко перед епископом, уверен, что префект претория...

– Никогда, слышишь, никогда! – перебил сына Гай; щеки его горели от возмущения. – Чтобы мой сын взял в жены германку? Даже думать об этом забудь! Хочешь покрыть род Руфинов вечным позором?

Все шло кувырком – такого развития событий Тит и предположить не мог.

– Мне очень жаль, – пробормотал он Клотильде, стараясь не встречаться с ней взглядом, и знаком приказал нерешительно топтавшемуся на месте рабу увести ее из атрия, где вот-вот должна была разразиться буря.

– Такого обращения, отец, она не заслуживает, – осуждающе произнес Тит, когда они остались вдвоем. – Клотильда – замечательная девушка. Лучшей невестки тебе не найти. Только потому, что она германка... – Тут юноша запнулся, от душившего гнева речь его сделалась бессвязной.

– Германцы – враги Рима, – в голосе Гая звучало раздражение. – Они – раковая опухоль, которая разъедает империю изнутри. Если мы не вышвырнем их с наших земель, наш конец не за горами. – Немного помолчав, он продолжил, уже более спокойно. – Ты же, сын мой, и сам все отлично понимаешь, правда? Послушай, мы не можем обсуждать это здесь; наш разговор могут подслушать рабы. Продолжим беседу в *tablinum*.

Понурился и слегка прихрамывая, юноша проследовал за отцом в комнату, отведенную под хранение, чтение и переписывание древних свитков. (В детстве Тит упал с лошади, сильно повредив ногу, и сопровождавшая его с тех пор хромота позволила избежать призыва в армию, которого ему, сыну солдата, иначе избежать бы не удалось. Тем не менее должность приписанного к одному из полков писаря придала ему почти военный статус, вследствие чего он получил право на ношение военной формы.) Окна комнаты выходили на перистиль, прямоугольный двор с садом, фонтанами, покрытыми зеленью галереями и аллеей классических статуй. Сквозь открытые ставни до Тита доносилась целая смесь ласкающих ухо звуков: плеск падающей воды, отдаленное мычание домашнего скота, мягкое кудахтанье кур. На развешенных вдоль стен полках можно было обнаружить произведения не только всех старых классиков – Вергилия, Горация, Овидия, Цезаря, Светония и прочих, – но и некоторых современных авторов, вроде Клавдиана Клавдия и Аммиана Марцеллина. Отец и сын присели на складные стулья, лицом друг к другу.

– Мы не должны общаться с этими людьми, сын мой. С этими невежественными варварами. У них отталкивающие манеры, они воняют, носят длинные волосы, облачаются в шкуры животных и брюки вместо пристойных одежд, питают отвращение к культуре... Мне продолжать?

– Возможно, им и присуще все то, что ты перечислил, отец. Но я сталкивался с ними и знаю, что они могут быть смелыми и честными – в отличие от многих сегодняшних римлян. А уж преданнее друзей, чем германцы, еще надо поискать. Как бы то ни было, нравятся они нам или нет – все это пустое. Они живут здесь, и никуда от этого не денешься. Вышвырнуть их отсюда мы не в силах, они нужны нам в армии; и лучшее, что мы можем сделать – попытаться найти с ними общий язык. Ты же и сам знаешь, что они искренне восхищаются многим из того, что есть у римлян, и *хотят, действительно хотят*, мирно сосуществовать с нами в пределах одной империи. С нашей стороны было бы полным безрассудством этим не воспользоваться. Констанций это понимал, поэтому и старался подружиться со всеми германскими

племенами. Сейчас, после его смерти, у нас новый полководец, Аэций, и, кажется, он стоит на тех же позициях.

– Твой Аэций предал интересы своего народа, – произнес Гай внезапно окрепшим голосом. – Мы уже побеждали кимвров и тевтонов – под водительством Гая Мария. Сможем проделать это и еще раз.

– То было пять веков тому назад, – раздраженно бросил Тит. – Согласись, с тех пор многое изменилось. Вспомни лучше об Адрианополе! Или забыл, чему сам был свидетелем? Говорят, столь жестокого поражения Рим не видел со времен Канн.

– После Канн мы смогли оправиться, – возразил Гай, – и разбили-таки Ганнибала.

– И от кого я это слышу – *от тебя*, моего отца? – Тит издал вздох разочарования. Поднявшись со стула, он вытащил из тайника «*Liber Rufinorum*», развернул свиток и начал читать: «Причинив готам огромные потери – впрочем, вполне сопоставимые с нашими, – мы вынуждены были предпринять тактический уход в город – для перегруппировки сил». – Вновь скрутив свиток, Тит отложил его в сторону. – Ты убедил себя в том, что в Адрианополе *так все и было*. Знаешь, в чем твоя проблема, отец – ты не можешь прямо смотреть в лицо фактам, не можешь смириться с тем, что *все это случилось с Римом*. Ты во всем винишь германцев, хотя должен винить самих римлян.

– Поясни-ка, что ты хочешь этим сказать? – Гай старался сохранять спокойствие, хотя заметно было, что грубоватая критика сына возмутила его до глубины души.

– Если Рим действительно хочет избавиться от германцев, ему нужно будет где-то поискать главное: патриотизм. А вот его-то уже почти и не осталось – «благодаря» порочной налоговой политике римских чиновников. «Варваров» же, как ты их называешь, оставшиеся без средств к существованию бедняки везде приветствуют как освободителей. Людей мало интересует, выживет ли Рим или падет. Что ж ты этого не пишешь, а? Об этом в твоей книге нет ни строчки. Если ты не переменял своего мнения о моей женитьбе на Клотильде, я, пожалуй, заберу «*Liber Rufinorum*» с собой. Что скажешь?

– Решив что-либо, настоящий римлянин своей позиции не меняет.

– Ничего более напыщенного и глупого никогда не слышал! – в сердцах воскликнул Тит. Он отдавал себе полный отчет в том, что лишь расширяет разверзнувшуюся между ним и отцом бездну, но ничего не мог с собой поделать. – Что ж, у меня есть для тебя еще одна новость, которая вряд ли тебе понравится. Хотел сообщить ее в более спокойной обстановке, да уж какие тут теперь любезности! Я решил стать христианином.

Повисла мертвая тишина. Когда же Гай поднялся на ноги и заговорил, голос его не выражал никаких эмоций:

– Уходи. И не забудь свою германскую шлюшку. Ты мне больше не сын.

После того как разорвались – окончательно и безвозвратно – узы, связывавшие его с родным домом и семьей, в душе Тита поселились печаль и чувство невосполнимой утраты. Вместе с тем теперь он чувствовал себя свободным. Тит Валерий Руфин понимал, что, как и Юлий Цезарь пятьсот лет назад, он перешел свой Рубикон и обратно дороги нет. Интуитивно знал он и то, какими будут его следующие шаги. Первым делом он отошлет Клотильду к ее народу и займется урегулированием вопросов, связанных с собственным крещением и их женитьбой. (Возможно, придется преодолеть некие племенные препятствия, но уж точно – не религиозного толка; в отличие от большинства его знакомых-германцев, считавших себя арианами, Клотильда была убежденной католичкой.) Затем он попытается – так или иначе – поступить на службу к Аэцию, чья политика интеграции германских племен в структуру империи кажется ему лучшим – а возможно, и единственным – путем, по которому Рим сможет двигаться вперед. «Точно, именно так я и поступлю», – решил Тит и почувствовал, как, впоремешку с облегчением, его охватило волнение. Выбор был сделан.

Глава 2

*Да здравствует Валентиниан, Август Запада!
Патриций Гелион, представляя семилетнего Валентиниана
Римскому сенату. 425 г.*

Флавий Плацидий Валентиниан, Император Западной Римской империи – под третьим из своих имен он и примерил пурпурную мантию, – сын Императрицы-Матери Галлы Плацидии, Благороднейший из Живущих, Консул, Защитник Никейской Доктрины и т.д. и т.п., умирал со скуки. Чуть ранее ему удалось ускользнуть от литератора-грека (чего не сделаешь во избежание очередного урока истории, посвященного Пуническим войнам!), и теперь, спрятавшись в одном из наиболее укромных уголков дворцового сада, Валентиниан сидел у края небольшого озера и ловил лягушек-быков – сегодня их у него набралось уже шесть штук. Особенно нравилось ему надувать лягушек через соломинку и наблюдать за тем, как они лопаются. Лягушки раздувались, словно пузыри, а перед тем, как взорваться, мигали своими выпученными глазами. В этот момент Валентиниан ощущал себя сильным и могущественным – непередаваемое чувство! С нетерпением он ждал того дня, когда станет взрослым, и матери придется передать ему бразды правления империей. Уж тогда-то он будет властвовать не над лягушками – над всем римским миром. Сможет распорядиться судьбами людей по своему усмотрению, убивать просто так, из прихоти. Будут ли его жертвы мигать перед своей смертью? Одна лишь мысль об этом приводила Валентиниана в неопишуемый трепет.

Он слышал, как рыщет по садовым зарослям вольноотпущенник-грек, его наставник, призывая вернуться к занятиям. Лицо Валентиниана озарила злорадная ухмылка. В голосе грека звучало не беспокойство – страх. Еще бы: не найдет своего августейшего ученика, будет жестоко выпорот, а может, – вновь попадет в рабство. Эксперименты с лягушками-быками лишь пробудили в Валентиниане интерес к новым опытам подобного рода, и теперь его неутомная душа требовала продолжения. О кошках можно и не думать; рыскавшие по дворцовым землям бездомные животные разбежались во все стороны, лишь завидев его. Тут мальчик расплылся в широкой улыбке: до его ушей долетели далекие, но оттого не менее знакомые звуки – то кудахтали куры, коих разводили в императорском курятнике. Дядя Гонорий, покойный император, до безумия любил возиться с домашней птицей; кормить петухов и кур с рук он был готов в любое время суток. Несмотря на то что птиц во дворце наблюдался явный избыток, подходящей отговорки для того, чтобы отказаться от них, никто так и не нашел. Предвкушая приятное времяпрепровождение, император направился к курятнику.

– Я хочу, чтобы ты доставил донесение Галле Плацидии, – сказал Аэций Титу. Разговор их проходил на той самой вилле в предместье Равенны, которую полководец превратил в свой штаб. (После столкновения с *catafractarius* Тит пользовался глубоким доверием Аэция.) – Передай ей, что мои условия таковы: от гуннов она откупается золотом; я отпускаю их сразу же после того, как они получают Паннонию, а я, – тут на лице Аэция заиграла мечтательная улыбка, напоминавшая скорее волчий оскал, – становлюсь комитом Галлии.

– Вы это серьезно, господин? – воскликнул Тит, шокированный откровенной дерзостью требований полководца. – В том ли мы положении, чтобы торговаться? Битва с Аспаром зашла в тупик. А с учетом того, что за три дня до нашего прибытия сюда Иоанн был предан и казнен, мне, если позволите выразить свое мнение, вообще не понятно, зачем мы в нее ввязались. И вы действительно хотите отдать гуннам Паннонию? Использовать римскую провинцию в качестве разменной монеты?

– Мой дорогой Тит, – произнес Аэций тоном терпеливого школьного учителя, объясняющего предмет медленно соображающему ученику, – должен заметить, что картина происходя-

щего видится тебе не совсем в верном свете. Реальность же такова, что вряд ли у нас будет более благоприятная возможность слегка надавить на всеми нами любимую императрицу. Аспар не будет стоять здесь вечно; он нужен там, на Востоке. В Галлии же давно поигрывают мышцами франки и бургунды, поэтому не думаю, что Галла Плацидия рискнет отвести войска сейчас – откуда ей знать, чего можно от меня ожидать? Полагаю, и с гуннами ей сражаться – совсем не с руки. Что же до Паннонии, то ей давно пришел конец; готские войны полностью ее опустошили, и вряд ли она когда-то оправится. Отдадим же эти земли гуннам – воздвигнем полезный барьер против дальнейшего вторжения германских племен. Иоанн? Он всегда был лишь куклой в моих руках, и никем более. Теперь, когда не стало, я могу играть в открытую.

– Могу я спросить вас кое о чем, господин?

– Можешь, юный Тит, конечно, можешь.

– Одна вещь, господин, давно не выходит у меня из головы, – Тит на секунду замялся, но затем продолжил: – Почему вы так не хотите, чтобы Плацидия правила империей от имени своего сына? В конце концов, Валентиниан – законный престолонаследник. Некоторые рассматривают вашу позицию не иначе как государственную измену.

– Осторожнее, Тит, – гаркнул Аэций. – «Государственная измена» – слова опасные, особенно среди людей военных. Будем считать, что я их не слышал – ты явно произнес их по неведению. Отвечу тебе следующее. Если Плацидия получит полный контроль над государством, Запад ждет неизбежная катастрофа. Своим нынешним положением она обязана целой серии ярких авантур. Началось все с того, что после разграбления Рима готы увезли ее с собой в качестве пленницы. Там ее взял в жены шурин Алариха, Атаульф, после убийства которого ее какое-то время держали закованной в цепи, а затем вернули римлянам за немалое вознаграждение. Здесь ей повезло: она вышла замуж за великого полководца, Констанция, которого Гонорий к тому же сделал своим соправителем... Это самовлюбленная, упрямая, глупая и властолюбивая женщина. К несчастью, Галла Плацидия красива и обаятельна, что позволяет ей очаровывать и использовать в своих целях самых могущественных мужей империи. Ее же заверения, что Валентиниан будет обучаться управлению государством и впоследствии станет править сам, – тут Аэций криво улыбнулся, – не более чем пустые слова. Она ему во всем потакает, уступает всем его прихотям и капризам. В конце концов получится так, что вся власть на Западе окажется в руках избалованного, плохо воспитанного ребенка. Нужен ли нам новый Нерон или Комод? Не думаю. Вот почему, ради Рима, их стремление к безграничной власти следует слегка обуздать. Ну как, удовлетворил я твое любопытство?

– Да, господин, всецело, – произнес Тит, сокрушенно качая головой. – Мне следовало и самому догадаться...

– Да, юный Тит, конечно, следовало, – резко оборвал его Аэций. – Вижу, тебя беспокоит еще что-то?

– Тот факт, господин, что вы решили послать к императрице именно меня, разумеется, огромная честь для меня. Но зачем вообще кого-то посылать? Вы и сами могли бы нанести визит во дворец – пользы от этого, полагаю, было бы гораздо больше.

– Тебе нужно понаблюдать за поведением животных, Тит. Видел когда-нибудь, как ведут себя коты на улицах? Вожак никогда не идет первым на контакт с остальными, это они перед ним заискивают. Так вот, посылая тебя, я показываю Плацидии, что не признаю ее главенствующего положения. – Пожав плечами, Аэций наградил Тита обезоруживающей улыбкой. – Знаю – все это звучит немного по-детски. Маленькие мальчики бьются за очки. Но игра-то – важная.

Заставив Тита повторить по пунктам то, что тот должен был передать императрице, полководец взмахом руки показал юноше, что он может идти.

– Все верно, отправляйся. Вернешься – доложишь.

* * *

Облачившись в лучшую свою форменную одежду – красного цвета тунику с длинными рукавами, короткий плащ, широкий военный пояс и *pilleus pannonicus* – круглый повседневный головной убор, который носили солдаты всех званий и прикомандированные к армии писари, – Тит отправился в императорский дворец. Огромное прямоугольное строение, с толстыми внешними стенами и защитными башнями, в каждой из которых имелись собственные арочные ворота, скорее походило на крепость, нежели на императорскую резиденцию. У западных ворот Тита остановили двое караульных из дворцового войска. Такие длинные копья, громадные круглые щиты и шлемы с высокими гребнями, наверное, были в обиходе еще во времена Горация Коклеса, который, в составе небольшой группы воинов, не позволил этрускам пройти на Рим по Свайному мосту через Тибр, подумал юноша. Тит протянул им написанный нотарием Аэция от имени самого полководца свиток, в котором говорилось, что податель оного должен быть немедленно удостоен аудиенции у императрицы.

– Тебе нужно разыскать магистра оффиций, – сказал один из схолариев, внимательно изучив документ. – Пройдешь по саду до галереи, расположенной между четырьмя основными зданиями. Тебе – во второе по левой стороне. Спросишь кубикюлария. Смотри не заблудись.

Но Тит все же заблудился. Покоренный красотой садового пейзажа с его фонтанами, перголами, цветочными клумбами и скульптурами, юноша решил, что другой возможности побродить по дворцовым аллеям, поражавшим воображение своим великолепием, у него уже, возможно, не будет, а возложенное на него поручение может немного и подождать. Какое-то время спустя, после нескольких бесплодных попыток самостоятельно отыскать нужную тропу среди десятков пешеходных дорожек, огороженных с обеих сторон пышной живой изгородью, Тит уже подумывал обратиться за помощью к одному из садовников, как вдруг услышал довольные вопли – кричали где-то рядом. Любопытство заставило юношу повернуть за угол, где его взору предстало омерзительнейшее зрелище.

В конце аллеи, сидя на корточках в небольшом, обнесенном со всех сторон невысокой стеной, загоне, мальчик лет шести-семи методично, одно за другим, выщипывал перья из яростно бившейся в его руках курицы. Кудача во все горло, до смерти запуганные птицы – многие из них уже лишились оперенья – суматошно носились по усеянному перьями загону, ударяясь о стены в тщетном стремлении их преодолеть. Мальчик был так поглощен своим делом, что даже не заметил, как через ограду перепрыгнул незнакомец.

– Ах ты, распущенное маленькое чудовище! – закричал Тит. Два больших шага – и он уже был рядом с мальчиком. Вырвав из его рук замученную птицу, Тит перекинул ребенка через колено и отвесил ему пару звонких шлепков.

Извиваясь что есть силы, мальчик завертел головой, пытаясь рассмотреть своего истязателя. На какие-то доли секунды его побелевшее от изумления и ярости лицо напоминало застывшую маску, но затем детское возмущение потоком хлынуло наружу: «Да – как – ты – смеешь – как – ты – смеешь – как – ты – смеешь!» С трудом поймав воздух, он добавил: «Ты пожалеешь, что сделал это». Последние слова мальчик выплюнул с такой злобой, что у Тита возникло нехорошее предчувствие. И тут же ребенок рванулся в сторону и, дотянувшись до висевшего у него на шее свистка, издал пронзительную трель.

Далее события развивались с калейдоскопической быстротой. Из-за живой изгороди, словно получившие сигнал о выступлении актеры, игравшие одну из комедий Теренция, тут же повыскакивали схоларии; некоторые из них уже бежали в направлении птичьего двора.

– Убейте, убейте его! – завизжал мальчик, когда в загон влетели двое стражников. – Он на меня напал!

Прожужжавшее рядом с головой Тита копье с лязгом ударило о металлическую сетку курятника. Как ни странно, но, едва не попросившись с жизнью, юноша лишь успокоился; ему удалось сконцентрироваться и начать действовать быстро и уверенно. В отличие от пограничных полков или мобильных действующих армий, дворцовая стража формировалась за счет тех, кто скорее был фанатично предан императору, нежели отличался выдающимися боевыми качествами. Тит был уверен, что, доведись ему сойтись лицом к лицу с любым из схоляриев, перевес окажется на его стороне.

После того как в детстве Тит неудачно упал с лошади, его отец купил раба, бывшего гладиатора, в задачу которого вменялось научить парня искусству самообороны. (За несколько лет до этого гладиаторские школы были закрыты императорским указом, и рынки наводнили бойцы-невольники, поэтому Гай мог выбирать среди самых лучших.) Тит оказался способным учеником; многие часы ежедневной практики в избиении деревянным мечом столба, битвы на шестах, рукопашных боях – все это сделало его настоящим мастером единоборств, заставив позабыть о физическом недостатке. «Давай, шевелись, ты, мешок с костями», – подначивал его во время занятий инструктор, повторяя любимую фразу собственного *lanista*. В тот день, когда Титу впервые удалось на лету поймать муху, старый гладиатор перестал ее говорить.

Когда стражник выхватил меч и рванулся вперед, Тит правой рукой схватил упавшее на землю копье и сделал обманный выпад. Этот удар схолярий отразил, но, моментально перекинув копье в левую руку, Тит нанес косящий удар по голеним противника. Потеряв равновесие, стражник взмыл в воздух, его щит и шлем полетели в разные стороны. Не давая сопернику опомниться, Тит сильно ткнул тыльной стороной копья в его уже ничем не защищенную голову, и нападавший потерял сознание. Затем, молниеносно вращая копьем над головой, он заставил отступить к задней стене загона еще двух ворвавшихся в курятник стражников. Жестокий удар в пах – и вот один из них уже катается от боли по земле; еще один выпад – и второй хватается за ушибленную руку, лишь взглядом провожая летящий в угол загона меч.

Минус три. Тит обернулся – и понял безнадежность своего положения. Со всех направлений к нему бежали стражники. Шансов на спасение – ноль. Подобрал потерянный первым из поверженных схоляриев щит, Тит отступил вглубь курятника. «Заберу с собой на тот свет столько человек, сколько смогу», – подумал юноша.

– Остановитесь!

Приказ исходил от высокой, привлекательной женщины лет тридцати с небольшим. Все замерли – все, за исключением ребенка, с воплем «Мама!» рванувшего ей навстречу.

– Валентиниан, расскажи нам, что здесь произошло. – Сквозь величественные нотки голоса проскальзывала озабоченность.

Валентиниан? Тита бросило в жар, затем – в холод, до него начала доходить вся чудовищность происходящего. Он имел неосторожность поднять руку на самого императора.

* * *

– Я был уверен, господин, что пришел мой последний час, – рассказывал Тит Аэцию, вернувшись в штаб. – Когда мне связали руки, подумал: «Сейчас поведут к месту казни». Но потом, когда я сказал Галле Плацидии, что послан вами, она приказала освободить меня, хотя видно было, что она с радостью бы посмотрела на то, как лишится головы тот, кто посмел отшлепать ее сына. Меня провели по длинному перистиллю, затем – по портику в императорские комнаты, где в приемном покое я и был выслушан. – Он бросил на Аэция взгляд, полный восхищения. – Похоже, вы имеете очень сильное влияние на императрицу, господин. Я передал ей ваши требования; по-моему, они ей очень не понравились, по крайней мере, вид у нее был глубоко оскорбленный, тем не менее она на все согласилась – письменно. – Тит вручил полководцу свиток. – Я лично его заверил. Но то, как все происходило, слегка меня позаба-

вило. Привели Валентиниана, в пурпурной мантии и с диадемой на голове, и мне пришлось приложить палец ко лбу этого маленького изверга – полагаю, для того, чтобы договор вступил в силу. Вот, пожалуй, и все, господин. Данное мне поручение я едва не провалил, – горько продолжил Тит, – вас поставил в неудобное положение, сам свалял дурака, поэтому, господин, готов подать прошение об отставке.

Аэций окинул юношу долгим, непроницаемым взглядом. Затем, к глубочайшему изумлению Тита, разразился смехом.

– Мой дорогой Тит, – выдохнул он наконец, утирая выступившие на глазах слезы, – как же ты все-таки наивен! Об отставке не может быть и речи – с тобой я не расстанусь за весь песок Африки. То, что ты сделал, превзошло все мои ожидания. Помнишь, мы говорили о том, как ведут себя животные? Так вот, отшлепав императора по заднему месту, ты укрепил, причем крайне убедительно, мой доминирующий – над Плацидией и Валентинианом – статус. К несчастью, да ты и сам это знаешь, императрица не успокоится, пока не расквитается с тобой. – Словно извиняясь, полководец развел руками и криво улыбнулся. – Так что отныне ты – человек меченый.

«Иначе говоря, почти труп», – мрачно подумал Тит.

Глава 3

По внешнему виду низкорослый, с широкой грудью, с крупной головой и маленькими глазами, с редкой бородой, тронутой сединой, с приплюснутым носом, с отвратительным цветом [кожи], он являл все признаки своего происхождения.

Описание Аттилы: Иордан. О происхождении и деяниях гетов. *Getica*. 551 г.

Неладное медведь заподозрил еще тогда, когда по опушке, на которой он отдыхал, стрелой пронеслась серна – животное, обычно не встречающееся у подножия гор. Переменился и ветер; втянув носом воздух, он уловил столь ненавистный ему людской запах. Инстинкт подсказывал, что нужно уходить к склону возвышенности, но смышленность, помноженная на немалый жизненный опыт, говорила о том, что там его ждет смерть. Если он хочет выжить, следует найти убежище и обождать, пока охотники пройдут мимо, либо же прорываться сквозь их ряды в более безопасное место, ближе к вершине горы.

Медведь был огромным, немолодым – далеко за двадцать, – но все еще мощным, проворным и очень хитрым. Все эти черты он унаследовал от своих родителей. Возможно, лишь эти сила и сообразительность позволили его дальним предкам выжить во времена римских *venatores*, вплоть до последнего времени целыми шайками рыскавших по местным лесам в надежде поймать диких животных, которых затем можно бы было выгодно продать тем, кто занимался их поставками для всевозможных игр и гладиаторских боев. Долгие века продолжалось это разграбление лесов, степей и пустынь от балтийского побережья до Сахары, приведшее в итоге к тому, что число крупных животных сократилось там в разы.

Передвигаясь с удивительной живостью, медведь начал карабкаться по склону, выискивая укромное место, где бы он мог спрятать свое громадное тело.

* * *

– Выдерживай линию, римский пес.

– За собой следи, варвар, – свой ответ Карпилион сопроводил самым оскорбительным из известных ему жестов – комбинацией из вытянутых в направлении ехавшего справа от него Барсиха указательного и малого пальцев левой руки. Тем не менее он послушно придержал лошадь до тех пор, пока полученный сигнал не дал ему понять, что он вновь оказался в одном ряду с остальными загонщиками.

С Барсихом, ровесником-гунном, за время длившейся несколько дней, а теперь подхлывшей к концу охоты Карпилион успел крепко сдружиться. По вечерам, в лагере, мальчики сидели у костра рядом со взрослыми охотниками, делясь друг с другом пищей, ломтями баранины, поджариваемой на прутьях над горячей золой, и обмениваясь выдуманными историями о юношеских подвигах. Днем, оставшись вне присмотра старших товарищей, демонстрировали друг другу умение искусно держаться в седле, пуская лошадей караколью или заставляя их танцевать у самого края крутого утеса.

Таким счастливым, как сейчас, Карпилион не чувствовал себя никогда. Его отец, Аэций, взял сына с собой в дипломатическую поездку на другой берег Данубия, где обитали давние друзья полководца, гунны. При мысли о том, что его равенские товарищи корпят сейчас за партами, старательно копируя древние тексты на свои воощенные таблички и ежеминутно рискуя получить розгами от наставника, Карпилиона переполняло ликование. Даже этому маленькому, вечно хнычущему зверенышу Валентиниану вряд ли удалось избежать занятий! Над тем,

что произошло с императором на птичьем дворе, смеялся весь город; слышал Карпилион и о том, что вместо литератора-грека у Валентиниана был теперь новый, гораздо более строгий учитель, приглашенный из Рима. Он же в это время, сменив строгий римский далматик на мешковатые брюки и свободную тунику, вовсю упивался свободой, сутки напролет катаясь на лошадях, плавая, стреляя и борясь со своими сверстниками. Особо же Карпилион был рад тому, что теперь он имел возможность объезжать прекрасного арабского скакуна, подаренного Аттилой, давним другом его отца и племянником Руа, вождя гуннов. Конь этот был не только не менее выносливым, чем крепкие, но непослушные лошади гуннов, но и отличался завидными характером и понятливостью – бесценные качества для животного, позволяющие езду установить с ним полное взаимопонимание.

Охота была кульминацией поездки. Пятью днями ранее гунны и их римские гости покинули лагерь, образовав огромное, растянувшееся на многие километры в лесистых предгорьях Сарматских гор, постепенно сужавшееся кольцо. В результате у попавших в эту западню животных практически не оставалось шансов уйти из нее живыми. Секрет удачной охоты заключался в обеспечении того, чтобы сдерживающий кордон постоянно сохранял свою цельность, не позволяя образовываться дырам, через которые могли бы прошмыгнуть загнанные животные. Карпилион не скрывал восхищения той сноровкой и дисциплиной, с которыми загонщикам – как убеленным сединами ветеранам, так и совсем молодым парням – удавалось держать линию в условиях труднопроходимой местности: в ущельях, у рек, в густых кустарниках и диких зарослях.

Их строй вновь пришел в движение. Погоня коня с помощью колен, Карпилион направил его вниз, по покрытому щебнем скату. Вдали, в нескольких сотнях шагов, солнечные зайчики играли на водной поверхности продолжавшей размеренный ход своего течения Тисы. За рекой растянулась степь, травянистое море, уходящее далеко за горизонт; гулявший на ее просторах ветер создавал опасную иллюзию огромных волн. Там, внизу, в трехстах метрах от склона, и находился тот естественный, природный амфитеатр, которому предстояло стать местом массового убоя животных. Впереди, в зарослях, бурлила жизнь; то тут, то там проносился по опушке опрометчиво покинувший свое укрытие олень или горный козел. Невероятное возбуждение охватило Карпилиона. Ему, как и другим мальчикам, не позволялось трогать крупных или опасных животных вроде бизонов, рысей или волков; право убить их сохранялось за взрослыми. Но и молодежи было чем поживиться: сурков, зайцев и небольших копытных животных в этих местах водилось предостаточно.

– Карпилион!

Юный римлянин оглянулся. Наверху, на самом склоне, появился Аэций на любимом своем скакуне, Буцефале. Вслед за ним ехал Аттила, невысокий, но крепко сбитый мужчина с большой головой и невероятно широкими плечами.

– Удачной охоты, отец, – Карпилион приветственно помахал полководцу рукой.

– Надеюсь, тебе тоже повезет, сын.

Спустившись по откосу, загонщики слегка замедлили свой ход, что позволило Аэцию и Аттиле сократить отставание. Впереди был густой подлесок.

Внезапно из кустов, куда уже собирался направить коня Карпилион, вылез огромный мохнатый медведь – более крупного животного парень в жизни не видел. Горы мышц перекачивались под его косматой шкурой, маленькие красные глаза светились яростью, за разжатыми челюстями вырисовывались ужасные клыки. Дикая испуг обуял Карпилиона, внутренности его, казалось, вот-вот готовы были превратиться в воду. Задрожал от страха и его конь. Краем глаза мальчик заметил, как встала на дыбы лошадь двигавшегося по левую от него руку молодого гунна. Карпилион знал, что, столкнувшись с опасностью, конь испытывает инстинктивное желание бежать; в то же время понимал он и то, что в сложившейся ситуации это вряд ли будет лучшим выходом, поэтому, пытаясь хоть как-то успокоить своего арабского скакуна,

юный римлянин ободряюще похлопал его по крупу. К удивлению его, лошадь моментально успокоилась.

– Всем оставаться на местах! – проревел мощный голос по-гуннски – кое-что из сказанного на этом языке Карпилион уже понимал. Понукая коня, Аттила мчался на помощь ввалившим в панику молодым загонщикам. – Выставить копыта, на них медведь не полезет!

Но совет его услышан не был. Цепь дрогнула и рассыпалась; один за другим вонзали шпоры в бока своих лошадей юные гунны, давая деру. Пара секунд – и Карпилион остался наедине с медведем. Последним унесся прочь Барсих; на его перекошенном от страха лице Карпилион успел прочитать мучительное выражение вины. К счастью для мальчика, не успел он опомниться, как рядом оказались его отец, Аттила и пожилой загонщик-гунн, державший на цепи трех охотничьих собак.

Не теряя ни секунды, старик спустил этих огромных волкоподобных животных, с обитыми шипами ошейниками, с привязи, и они налетели на пришедшего в ярость, стоявшего на задних лапах медведя. Щелкнули серпообразные когти – и первый из псов взмыл в воздух, со спиной, сломанной наподобие сухой ветки. Двух других собак это не остановило; вонзив острые зубы в бока медведя, они принялись терзать добычу. Взревев от боли и гнева, тот вновь пустил в ход свои ужасные когти, расшвыряв мучителей по сторонам. Упав на землю, один из псов жалобно завыл; из разорванного брюха красными кольцами лезли наружу кишки. Вторая собака вообще не подавала признаков жизни; череп напоминал разбитую яичную скорлупу.

– Не шевелись, сынок, – прошептал Карпилиону отец, заметив, что медведь переключил внимание на своих двуногих противников.

Нацелив пику в грудь разъяренного зверя, Аттила рванул ему навстречу. В тот самый момент, когда острое насквозь прошило животное, медвежья лапа снесла полморды коню гунна. От удара Аттила вылетел из седла и, упав на землю, оказался придавленным забившейся в предсмертной агонии лошадь. Умиравший, но определенно настроенный забрать жизнь у напавшего на него человека медведь поднял лапы и, издав устрашающий рев, двинулся по направлению к беспомощно распростертому на траве Аттиле. Но нанести смертельный удар зверь так и не успел – мозг его пронзило копьё Аэция, пришедшего на выручку другу. Какое-то мгновение медведь еще оставался на ногах, затем закачался и упал с грохотом, потрясшим землю.

* * *

В полной тишине стояли собравшиеся на Совет гунны. Все они – верхом, как и требовали того традиции, – были из того же племени, что и покрывшие себя позором загонщики. Ведомые Руа, многоуважаемым правителем гуннов, в центр большого круга, на место специально для них отведенное, въехали те, кому предстояло решить участь преступников: Аттила, его брат Бледа, Аэций и пятеро старейшин. Обвиняемые – их было десять, – съежившиеся и испуганные, сидели на земле. Разрешено было присутствовать на Совете и Карпилиону – как загонщику, принимавшему непосредственное участие в происшествии и не оставившему свой пост, и потому считавшемуся важным свидетелем.

– Мы здесь не для того, чтобы обсуждать, виновны ли эти парни, – начал Руа, говоривший на удивление громким и чистым голосом для человека столь почтенного возраста. – Всем нам известно, что они проявили трусость и убежали, поставив в опасность жизни наших римских гостей и моего племянника Аттилы. Они покрыли бесславием не только себя, но и свои семьи, свой клан, весь наш народ. Нам остается лишь выбрать для них наказание. – Он повернулся к Аэцию. – Полководец, будучи нашим гостем – гостем, чье доверие мы предали, – именно ты должен предложить подходящее наказание.

– Друзья мои, – Аэций говорил по-гуннски. – Чувствую, что, прожив еще мальчиком долгие годы у вас в заложниках, могу так к вам обращаться. Как нам поступить с этими юношами? Конечно же, мы можем проявить милосердие; многие из вас, вероятно, считают их проступок не таким уж и ужасным. Что удивительного в том, что, столкнувшись лицом к лицу с приближающейся опасностью, неподготовленные парни дали деру? Разве не можем мы простить им это прегрешение? Конечно же, можем. Конечно, мы можем и проявить милосердие, и все им простить – в конце концов, наши сердца – не из камня. Но, – тут Аэций сделал паузу, – считаю, что и наказать их мы тоже должны. И говорю я это не из мелочного желания поквитаться за то, что из-за их малодушия едва не расстался с жизнью мой сын, а потому, что, не наказав их, вы ослабите свое племя. Подумайте, что будет, если мы простим их сейчас. В следующий раз, когда на ваше стадо нападет росомаха, мальчик-пастух, столкнувшись лицом к лицу с этим страшным животным, тоже может убежать, зная, что будет в итоге прощен. Повсюду, с быстротой бегущего по сухой траве огня, распространится гниение. Отвага и храбрость – вот на чем держится ваше племя. Не будет их – не будет и вас. Вот почему вы должны понять, что милосердие приведет к трагическим последствиям.

– И какое наказание ты сочтешь подходящим? – спросил Руа.

– Нарыв, если его не устранить, вырастет и распространится по всему племени, поэтому наказание может быть только одно.

Ропот, смешанный с ржанием лошадей, пронесся по рядам собравшихся, пронесся – и постепенно стих. Руа вопросительно взглянул на тех, кому предстояло вершить суд.

– Если кто-то из вас имеет что сказать, пусть выступит сейчас.

– Флавий, друг мой, – пророкотал Аттила, обращаясь скорее к Аэцию, нежели к остальным членам Совета, – мы многое пережили вместе. Мы оба, ты и я, много раз совершали такое, чего, казалось бы, делать не стоило, – и в итоге оказывались правы. Дело это крайне специфическое, и поэтому, полагаю, мы можем проявить милосердие. Не сомневаюсь, урок эти парни усвоили. Клянусь тебе, клянусь своей честью и Священным Скимитаром, – подобного больше не повторится. – Его широкое монголоидное лицо сморщилось, брови насупились. – В конце концов, – продолжил Аттила, и в голосе его проскользнули просящие нотки, – они всего лишь дети.

В ответ Аэций лишь бесстрастно пожал плечами.

– Ответь мне, действительно ли ты хочешь, чтобы *все* из них были приговорены к смерти? Возможно ли, что ты, мой друг и гость, согласишься на то, чтобы был брошен жребий? – Аттила с мольбой заглянул в глаза полководца. – Вчера, Флавий, ты спас мне жизнь. Прошу тебя, не делай мой долг большим, чем он есть, заставляя умолять тебя.

– Пусть будет так, как ты просишь, друг, – произнес Аэций, отведя глаза в сторону.

Судьбу виновных решал жребий. Подсудимым развязали руки, в большой глиняный кувшин бросили десять камней – семь черных и три белых, и пустили его по кругу. Белый голыш означал смерть. Когда пришел черед Барсиха, он отыскал глазами Карпилиона, и лишь затем вытащил сжатую в кулак руку из кувшина. Несколько секунд, словно прощаясь, пожирала они друг друга полными слез глазами, затем Барсих разжал кулак. Предчувствие их не обмануло – камень был белым.

* * *

Молча собравшиеся на вершине утеса, где и должны были привести в исполнение приговор, гунны наблюдали за тем, как вели троих приговоренных к стапятидесятиметровой пропасти. Уже стоя на краю обрыва, двое юношей принялись умолять о пощаде и плакать, взывая к матерям. Их крики не стихали все то время, что они летели в бездну. Барсих же попросил сопровождавших его стражников лишь об одном: развязать ему руки, чтобы он смог умереть

достойно. Когда же его просьба была исполнена, невозмутимо подошел к выступу и решительно шагнул в пучину...

– Кому была нужна его смерть, отец? – в глазах Карпилиона стояли слезы.

– Когда-нибудь ты и сам это поймешь, – тихо произнес Аэций, приобняв сына за плечи. – Пока тот или иной народ силен и отважен, у него есть шанс выжить. Именно так – и никак иначе. Нам, римлянам, следовало бы об этом помнить.

К любви и восхищению, которые Карпилион всегда испытывал к своему отцу, добавилось еще одно, незваное, чувство. Страх.

Глава 4

Сам же Атаульф был тяжело ранен в бою [у Марселя, в 413. – Примеч. авт.] доблестным Бонифацием. Олимпиадор Фивский. Воспоминания. 427 г.

Возвращаясь домой из императорского дворца, полководец Флавий Аэций, магистр конницы в Галлии, заместитель командующего армией в Италии, а теперь (благодаря данной ему гуннами власти над Плацидией) еще и комит, пребывал в прекрасном расположении духа. Его кампания против Бонифация проходила даже лучше, чем он рассчитывал. Не более часу назад Плацидия заверила его, что тотчас же, с самым быстрым курьером, в Африку уйдет императорский приказ, отзывающий Бонифация в Италию. Подумать только: Бонифация – фактического правителя Африки и командующего всеми ее военными силами, грозу варваров; друга духовенства, особенно – Августина, праведного епископа Гиппона; преданного сторонника Плацидии, остававшегося ей верным во время ее ссылки в Константинополь и недолгого нахождения на престоле узурпатора Иоанна! Комит Африки являлся сейчас единственным препятствием, стоявшим на пути Аэция к верховной власти на Западе. Так всегда было в римском мире (или в любом из двух существовавших теперь римских миров), подумал полководец. В империи никогда не находилось места для двух соперников: Сципион пытался выжить Катона, Октавиан – Марка Антония, Константин – Максенция, Плацидия с Валентинианом противостояли Иоанну. И вот теперь он, Аэций, конкурирует с Бонифацием. И тому, кто выйдет из этой борьбы победителем, достанется либо пурпур императора, либо должность командующего армией. Проигравшего же ждет смерть. (Побежденного противника, потенциальное средоточие нелояльности и недовольства, оставлять в живых крайне опасно.)

К тому же то, что стоит на кону, гораздо более значимо, нежели личная вендетта, подумал Аэций, – тяжелый ритм лошадиных копыт способствовал свободному ходу его мыслей. На кону – правильное управление Западной империей, а возможно – и вовсе ее выживание. Обладающему множеством достоинств (самые выдающиеся из которых – храбрость и благородство) Бонифацию недостает железной воли и четкости мышления, столь необходимых правителю – кто бы он ни был – Западе. Его непоколебимая верность Плацидии выльется лишь в то, что, приди к власти он, а не Аэций, Бонифаций непременно будет ее, власть, делить с Августой, как некогда делил ее с Клеопатрой Марк Антоний. А это будет иметь трагические последствия для Рима. Приоритеты Плацидии – исключительно династические: она во всем потакает Валентиниану, не раз проявлявшему признаки слабой, но порочной натуры, что вполне может привести к тому, что со временем власть может оказаться в руках психически неуравновешенного дегенерата.

– Когда же, друг мой старинный, все в Риме пошло наперекосяк? – прошептал он на ухо Буцефалу, ощущая, как, по мере того, как конь стремительно преодолевал один километр за другим, сжимались и разжимались мышцы животного. – Ты тогда, похоже, еще не родился, да и я был совсем мальчишкой. – Мысленно он перенесся на двадцать лет назад, к фатальному переходу Рейна германскими племенами, заставившему Рим пойти на компромисс с варварами.

Последствия того массового нашествия были катастрофическими. После вывода в Галлию расквартированных в Британии частей регулярной армии, она – Британия – постоянно подвергалась набегам обитавших в Ирландии саксов, скоттов и пиктов; Испания, наводненная свевами и вандалами, тоже, по крайней мере – на данный момент, формально уже не принадлежала империи. В безопасности были лишь Африка, Италия и большая часть Галлии, где, впрочем, римляне чувствовали себя уже не так уверенно, как раньше. Вот почему крайне важно

было, чтобы император – кто бы то ни был – Запада строил свою стратегию в соответствии с нынешними реалиями. Констанций, соправитель Гонория, справлялся с этой задачей просто блестяще: умиротворил могущественных визиготов, позволив этому, многие годы скитавшемуся по миру, племени поселиться в Аквитании; остановил проникновение на имперские – к западу от Рейна – территории бургундов. Но после того как шесть лет назад Констанция не стало, «гости» Рима, федераты, вновь начали показывать свой норов. Старая северо-южная ось власти, простиравшаяся от Медиолана до Аугуста-Треверора, осталась – «благодаря» вторжениям франков в провинции Белгики – в далеком прошлом. Ось нынешняя, восточно-западная, тянулась от Равенны до Арелата в Провинции, что давало Аэцию возможность в немалой степени влиять на решения правительства.

– Кого бы ты выбрал в правители Запада, красавчик, – спросил, улыбнувшись, Аэций у Буцефала, – меня или Бонифация? – В ответ, словно выражая свое ему сочувствие, лошадь наострила уши. – Я бы, на твоём месте, остановил свой выбор на Бонифации. Потому что если победит твой хозяин, коннице придется потрудиться – это я тебе обещаю.

Бонифаций был последним человеком, которому бы он доверил бразды правления государством. Его, Бонифация, методы обращения с варварами вели к конфронтации – устаревшая, не имеющая шансов на успех стратегия. Насильственно изгнать поселившиеся на имперских землях племена не представлялось возможным ввиду их многочисленности – разве что Запад получил бы сильную поддержку Востока. Но рассчитывать на нее не приходилось; те дни закончились со смертью Феодосия. С другой стороны, он, Аэций, проведший детство в заложниках сначала у Алариха, а затем – у гуннов, *знал* варваров. Он как никто другой чувствовал, когда необходимо было пойти им на уступки, а когда – надавить, когда следовало быть дипломатом, а когда – занять твердую позицию. Главным, что он вынес из общения с ними, являлось то, что зачастую силу варваров можно было нейтрализовать, настроив их друг против друга: гуннов против визиготов, визиготов против свевов и так далее. А для этого требовались искусство и хитрость, основывавшиеся на знании мышления варваров, чего у Аэция, в отличие от его соперника, имелось в избытке. Бонифаций был силен в истреблении варваров; управляться с ними он не умел, да и не сильно к этому стремился.

Словно играя в *ludus latruncolorum* или «солдатиков», Аэций снова и снова взвешивал сильные и слабые стороны – свои и своего противника. На первый взгляд Бонифаций имел одно, но крайне важное, перед ним преимущество – доверие Платидии. Но Бонифаций был в Африке, в то время как он, Аэций, находился в Равенне, и, пустив в ход все свое обаяние и силу убеждения, мог спокойно настраивать императрицу против ее фаворита. Притворяясь преданным другом и союзником Платидии (ему даже приходилось любезничать с ее капризным сыном), в последние несколько недель он сумел существенно ослабить ее, по отношению к нему, Аэцию, враждебность и завоевать ее доверие, что дало ему возможность, при помощи намеков и инсинуаций, распространяя «слухи» о том, что Бонифаций вынашивает заговор против императрицы и сеет смуту среди придворных и армейских офицеров, чернить комита в глазах Августы.

Бонифаций слишком благороден и доверчив, подумал Аэций, почувствовав угрызения совести. Будучи человеком совершенно лояльным и неподкупным, комит Африки наивно приписывал подобные качества всем, кому доверял. Он никак не мог понять – и в этом была его главная слабость, – что мужчины (как, впрочем, и женщины) в большинстве своем не обладают сильным характером и легко поддаются чужому влиянию. Да, политика была грязной игрой; время от времени Аэций сам себе становился противен за то, что участвовал в подобных махинациях. Но цель всегда оправдывала средства, даже тогда, когда достигалась с помощью обмана или предательства. К тому же, сказать по правде, Аэцию нравилось все это: возбуждение, которое он испытывал, бросая на борьбу с достойным противником все свое коварство и средства; приводящее в трепет единоборство; пьянящая радость победы.

По прибытии на виллу Аэций бросил поводья Буцефала конюху и по веренице залов проследовал в *tablinum* – в его случае, скорее канцелярию, нежели читальню. В комнате царил обычный хаос: повсюду валялись книги, документы и личное снаряжение полководца. Винить в этом рабов он не мог; всем им строго-настрого запрещалось входить в *tablinum* ради сохранения целостности его «системы». Находившиеся там книги преимущественно представляли собой научные труды на военную тему: Вегетий (тупица, смешавший тактику времен Траяна и Адриана с нынешней); «О методах ведения войны», интересный трактат безымянного автора о реформировании армии, пропагандирующий более широкое использование различных машин и механизмов, которое, по мнению автора, привело бы к экономии людских ресурсов; ценная копия (обновленная) «*Notitia Dignitatum*», правительственного перечня всех ключевых государственных должностей обеих империй (в том числе и военных).

Пришло время начать вторую часть развернутой им против Бонифация кампании. Набросив пояс с мечом на бюст комита (Аэций придерживался принципа «Знай своего врага в лицо»), он уже собирался вызвать нотарию, но в последнюю секунду передумал. То, что он собирался доверить папирусу, представлялось ему столь опасным, что не должно было попасть на глаза никому, кроме него самого и адресата. Покопавшись в куче нагроможденного на столе хлама, Аэций не без труда обнаружил перо, чернила, чистый свиток – и принялся писать.

Покончив с письмом, Аэций задумался над тем, кому бы доверить его доставку. То должен был быть человек надежный, рассудительный, уверенно чувствующий себя в седле. И что, конечно же, было гораздо более важным, послание это Бонифаций должен был получить раньше, чем письмо Плацидии. Такой человек у Аэция имелся – Тит. Парень был прекрасным наездником, никогда не задавал лишних вопросов, да и верность его Аэцию сомнений не вызывала. Полководец приказал рабу разыскать юношу.

– А, Тит Валерий! У меня для тебя есть одна работенка. Бывал когда-нибудь в Африке?

– Нет, господин.

– Тебе там понравится. Прекрасные люди, отличный климат, никаких варваров. Доставишь письмо Бонифацию. Передашь ему строго в руки – это крайне важно. Найдешь его либо в Булла-Регии, либо в Суфетуле.

– Бонифацию? А кто это?

– Комит Африки. Один из лучших полководцев в истории Рима – про себя я, конечно же, молчу. Вместе, надеюсь, мы сможем вернуть Западу былую славу. А теперь – о деталях. Вот выписанное магистром оффиций разрешение на проезд – действительно как в Италии, так и в Африке. С ним ты сможешь менять лошадей на имперских почтовых станциях. Маршрут следующий: Аримин – Рим – Капуя – Регий – Мессана – Лилибей – Карфаген. Через море переправишься на самом быстроходном судне, какое сумеешь найти. Чем раньше окажешься в Африке, тем будет лучше, сам понимаешь. Деньги: в этой бурсе столько *solidi*, что тебе их хватило бы на несколько таких поездок. Вопросы есть?

* * *

Обведя взглядом последнюю партию рекрутов, вышедших на утреннее построение вместе с их лошадьми, старший *ducenarius* отряда африканской конницы тяжело вздохнул. «Жалкие, случайные люди», – подумал Проксимон, бывший центурионом старого Двадцатого легиона еще в то время, когда тот вывели из Британии для защиты Италии. По мнению Проксимона, эти новые подразделения – *vexillationes* (конница) и *auxilia* (пехота) – не выдерживали никакого сравнения с прежними легионами, половина которых полегла в Пунических войнах и которые теперь находились в стадии расформирования. Его нынешняя часть набиралась главным образом из второсортных пограничных войск и получила статус действующей армии в Африке. Хорошо хоть лошади были неплохими – лучше, чем люди. Этих крупных парфянских

скакунов армия получала из римских конюшен, что, на его взгляд, являлось ошибкой: гораздо более здоровым Проксиму виделось использование местных, африканских жеребцов, которые, пусть и были низкорослыми и жилистыми, лучше переносили жару. Он покачал головой: похоже, армия не желала учиться на своих же ошибках.

Поднимаясь над восточной стеной Каstell-Нигра – одного из цепочки фортов, возведенных Диоклетианом для сдерживания набегов мавров и берберов, – солнце заливало смотровую площадку все более и более ярким светом, заставляя потеть людей и животных. Створки южных ворот со скрипом распахнулись, для того чтобы впустить в форт первый в тот день продовольственный обоз, и открыли вид на орошаемые виноградники и оливковые рощи, растянувшиеся на многие километры в направлении покрытых снегом вершин раскинувшейся над казавшимися голубыми Малыми Атласскими горами Джурджуры. Завораживающее, яркое зрелище – с этим Проксимон был согласен, – и все же оно не шло ни в какое сравнение с милой его сердцу мягкой красотой британского ландшафта. Много бы он отдал за один лишь взгляд на извивающуюся меж зеленых лугов и застланных туманом камбрийских холмов серебристую Деву!

Проксимон медленно прошествовал вдоль шеренги молодых парней, многие из которых заметно нервничали: он выискивал малейший признак неряшливости в одежде либо оружии.

– Ржавчина, – заявил ветеран с мрачным удовлетворением, указав на несколько коричневых крапинок, невесть как очутившихся на сияющем клинке *spatha* одного из рекрутов. Он наклонился вперед, – так, что его лицо оказалось в считанных сантиметрах от лица новобранца. – В армии, парень, проступком считаются три вещи: сон в карауле, пьянство на дежурстве и ржавая *spatha*. А вы сотрите эти глупые ухмылки с ваших физиономий, – рявкнул он на соседей провинившегося солдата по строю, которые за недолгое время пребывания в форте слышали эту литанию многократно. Проксимон схватил свинцовую идентификационную пластину, висевшую на шее у провинившегося солдата. – Чтобы к дежурству меч был очищен, – подмигнув новобранцу, он резко потянул пластину на себя. – Ты меня понял?

– Д-да, дуценарий, – пробормотал сбитый с толку солдат.

Закончив осмотр, Проксимон доверил рекрутов заботам *campidoctores*, обучавшим новобранцев дисциплине. Внезапно он почувствовал симпатию к испуганному парню, которого только что отчитал; кто знает, может тот и поймет его завуалированный намек. (Потерев свинцом о сталь, можно удалить даже самые трудновыводимые пятна.) Ограниченная в средствах армия вынуждена была выдавать солдатам древнее, обветшалое обмундирование. Эта покрытая ржавчиной *spatha*, мрачно подумал Проксимон, должно быть, застала еще сражение у Милвианского моста. В отличие от своего предшественника (солдаты звали его *Cedo Alteram*, «Дайте мне другую» – из-за привычки требовать новую дубинку после того, как прежняя ломалась о спину провинившегося солдата), Проксимон глубоко верил в то, что получить необходимую отдачу от людей (и лошадей) помогает терпение, помноженное на строгость, а никак не жестокое обращение.

* * *

– Молодец, парень, – усмехнулся Проксимон на следующем построении, осмотрев клинок меча: теперь тот был однородно серебристым. – Похоже, нам все-таки удастся вылепить из тебя настоящего солдата.

Позднее, совершая обход, он зашел в новые казармы, где поселили новобранцев. Неформальный, по душам, разговор с подчиненными всегда стоил потраченного на него времени. Таким образом можно было узнать, кто является сильным и слабым звеном в цепи, выявить армейских всезнаек, вероятных смутьянов и стукачей. Кроме того, выслушав солдатские жалобы (зачастую касавшиеся вещей тривиальных, каким, к примеру, было недельной давно-

сти урезание дневного рациона хлеба с трех до двух фунтов, – потерю государство возместило печеньем), можно было вовремя предпринять меры, необходимые для предотвращения потенциального кризиса.

– Все в порядке, парни? – поинтересовался Проксимон, оглядев длинное помещение. Из двадцати рекрутов, большинство, сидя на своих койках, приводили в порядок свое обмундирование; остальные, сбившись в кучу, играли в *ludus duodecim scriptorium*, «игру двенадцати линий».

– Теперь, когда – благодаря тебе, дученарий, – мы вновь получаем полный рацион хлеба, – откликнулся один из новобранцев, – жаловаться не на что.

– Отлично, – сказал Проксимон. – Получается, все всем довольны?

Двадцать голов дружно кивнули в ответ.

– Лгуны, – бодро проговорил Проксимон. – Дотронься-ка до пальцев ноги, солдат, – приказал он ответившему на его вопрос рекруту. Слегка озадаченный, новобранец повиновался, и в ту же секунду получил увесистый удар дубинкой по заднице. Юноша приглушенно вскрикнул.

– А жопа-то болит, – удовлетворенно сказал Проксимон. Многие рекруты на ранних стадиях обучения верховой езде натирали себе болезненные раны о седла. – Да ладно, парни, признайтесь – болит у всех. – Возражений не последовало, и он продолжил. – Советую смазать дегтем. Кроме того, достаньте себе *femenalia* – рейтузы, – хозяйство надо держать на должном месте. Любая берберка из тех, что ошиваются у форта, с удовольствием одолжит вам парусную. Не волнуйтесь, надолго они вам не понадобятся – поносите, пока яйца не затвердеют.

– Но... носить рейтузы, – с беспокойством возразил один их рекрутов, – это ведь не по уставу.

– Так точно – не по уставу. И на ком из вас я их увижу, мало тому не покажется. Но я, в отличие от *Cedo Alteram*, о котором вы, несомненно, слышали, не хожу по плацу с привязанным к концу дубинки зеркалом, так что вряд ли я о чем-то узнаю, не так ли?

Немного разредив последними своими словами атмосферу, *ducenarius* стал отвечать на посыпавшиеся со всех сторон вопросы об условиях службы, бенефициях и легендарном главнокомандующем, комите Африки, известном как беспристрастностью, так и ратными подвигами.

– Правда ли, что он убил Атаульфа, первого мужа Галлы Плацидии?

– Убить – не убил, но ранил тяжело – когда готы пытались овладеть Массилией. Атаульф, кстати, от раны своей быстро оправился, чему Августа была сильно рада.

– Слышал, Бонифаций убил солдата, переспавшего с женой одного из местных жителей?⁴ – с надеждой спросил один из новобранцев.

– А вот это – истинная правда, – подтвердил Проксимон. – Что, рассказать вам эту историю?

* * *

Лагерь – аккуратного прямоугольника кожаных палаток, известных как *papiliones*, «бабочки», каждая из которых вмещала восемь солдат, – они достигли в полдень. На многие километры вокруг растянулся унылый пейзаж: однообразные холмистые равнины, лишь кое-где покрытые травой эспарто, чертополохом и асфоделью; к северу – голая стена горы Гафса, к югу – мерцающие миражи, проплывающие над искрящейся солевой поверхностью Шотт-эль-Гарсы, одного из цепочки соленых озер, по которым проходила граница Римской империи. Озера эти обрамляли Великое песочное море, пересекаемое лишь караванами, привозившими

⁴ Подробно об этом случае рассказывается в книге Гиббона «Закат и падение Римской империи», глава 33.

из земель, где за пять сотен лиг⁵ пустыни жили темнокожие люди, золото, рабов и слоновую кость.

Лагерь представлял собой временное мобильное поселение, возведенное на месте одного из остановочных пунктов, через которые Бонифаций совершал ежегодный объезд того, что являлось скорее его личным феодалом, нежели провинциями проконсульской Африки и Бизацена. Эти путешествия комит считал необходимым напоминанием местному населению о том, что Рим все еще могуществен и готов использовать свою силу для поддержания на этих землях порядка и отправления правосудия – римского правосудия, а не примитивного кодекса «око за око», распространенного за пределами империи. Последние двести лет туземцы, номинально бывшие «римлянами», в душе по-прежнему оставались племенным народом, при отсутствии должного контроля – недисциплинированным и неуправляемым, о чем свидетельствовал и недавний мятеж донатистов, членов воинственной антикатолической секты, призывавших крестьян (у многих из которых в жилах текла пуническая кровь) не повиноваться их римским хозяевам.

Бонифаций мечтал об ожидавших его ванне, чистых одеждах и горячем обеде, сдобренном бокалом морнага, превосходного местного красного вина, – в последние три дня комиту и сопровождавшим его людям приходилось довольствоваться лишь сухим печеньем, кислым винцом и солониной. Расположенные по соседству с Шотт-эль-Джеридом, огромным соленым озером у римской границы, деревни подверглись нападению со стороны группы вооруженных берберов, но предпринятая комитом карательная экспедиция закончилась успешно, – понеся тяжелые потери, налетчики вынуждены были скрыться за границей империи. К несчастью, несколько устремившихся в погоню римских солдат случайно сбились с дороги и, провалившись под солевой пласт, утонули.

По прибытии в лагерь Бонифаций выразил благодарность участвовавшим в экспедиции подразделениям «*Equites Mauri Alites*» и «*Equites Ferores*» и распустил солдат, после чего, спешившись, передал поводья конюху и быстрым шагом направился к украшенной штандартами части палатке командующего. У закрывавшего вход в палатку откидного полотнища сидел какой-то юноша в поношенном джелаба. Судя по племенной расцветке, то был блемми; лицо его показалось Бонифацию смутно знакомым.

– Господин Бонифаций, – обратился молодой человек к комиту тоном, не оставлявшим сомнений в том, что говоривший пребывает в состоянии крайнего отчаяния, – я подавал прошение – помните?

Вышедший секундой позже из палатки трибун вручил комиту бокал вина.

– Извините, господин, – сказал он, указав на туземца. – Ничего не могу с ним поделывать. Настаивает, что вы обещали переговорить с ним. Я уже устал прогонять его; он все время возвращается и твердит одно и то же. Выглядит вполне безобидным, поэтому я имел смелость позволить ему дожидаться вас здесь. Но если что не так – ноги его здесь не будет.

– Да нет же, пусть остается, – Бонифаций внезапно вспомнил суть дела. Оно должно было рассматриваться на утреннем трибунале, но тут пришли вести о нападении берберов, и, прервав разбирательство, он вынужден был отправиться на юг. То было три дня назад; бедняга ждал его все это время! Должно быть, дело его действительно не терпит отлагательств.

– Ты ел что-нибудь за то время, что сидишь здесь? – спросил комит у блемми.

Туземец покачал головой.

– И ты даже не подумал о том, чтобы покормить его? – рявкнул Бонифаций на трибуна. Мгновенно побледнев, тот нервно сглотнул слюну.

– Ему... ему давали воду, господин.

⁵ То есть 2414 км.

– Какая забота! – фыркнул Бонифаций. – Ничего: пороешь во время дежурства отхожую яму – тут же вспомнишь о гуманности. Принеси же наконец человеку поесть.

История блемми, рассказанная им за миской кускуса, приправленного овощами и мясом молодого барашка, оказалась печальной. Он выращивал финики близ Тузурса, но налетевшая песчаная буря – одна из страшнейших за последнюю сотню лет – уничтожила всю пальмовую рощицу, унаследованную юношей после смерти отца. (В том, что рассказ парня правдив, Бонифаций не сомневался. В этих краях все знали о том, что один из легионов едва не погиб в бушевавшем самуме. Спасло людей лишь чудо. Когда ветер стих, они обнаружили себя стоящими на песчаной насыпи, возвышавшейся над верхушками пальм на сорок метров.) Для того чтобы добыть денег на пропитание их малыша, жена блемми согласилась переспать с одним из квартировавших в их доме солдат. Когда тот переехал на другое место постоя, она вынуждена была сопровождать солдата в качестве его сожительницы, – не согласись женщина на это, легионер не заплатил бы арендную плату.

– Она пошла на это исключительно ради ребенка, – на лице молодого блемми отразились все его душевные страдания. – Моя жена – хорошая женщина, но... – На какое-то мгновение он замолчал, но затем продолжил дрожащим голосом: – Она любит нашего мальчика, господин. Мы оба его любим. Я не мог ее остановить.

Внезапно Бонифацию стало жаль юношу. Открыв отделанный резьбой сундук, комит вынул из него небольшую бурсу с монетами и вручил ее блемми.

– Этого тебе хватит на то, чтобы вновь начать собственное дело и прокормить семью. Если то, что ты рассказал, – правда, мой друг, значит, с тобой поступили крайне подло. Но не беспокойся, я прослежу за тем, чтобы правосудие свершилось. Трибунал состоится завтра утром, приходи. – Выпроводив рассыпавшегося в благодарностях блемми за порог, Бонифаций послал за *primicerius*, – нужно было установить новое место постоя провинившегося солдата.

* * *

Не стоило давать опрометчивых обещаний, криво усмехнулся Бонифаций, скача во весь опор на север, к горе Гафса. Велев блемми явиться следующим утром на трибунал, он поставил себя в тяжелое положение: на то, чтобы разобрать жалобу юноши, оставалось совсем мало времени, а сделать это было совершенно необходимо – как ради того, чтобы сдержать данное слово, так и для поддержания репутации человека решительного, вершителя скорого и ужасного правосудия. Бонифаций улыбнулся: заботиться о своей репутации ему приходилось ежедневно, что было очень непросто, но крайне важно – не для того, чтобы потешить собственное самолюбие, а для поддержания высокого боевого духа и верности войск.

Комит выяснил, что нужный ему солдат квартировал теперь в одной из деревушек к северу от Гафсы. Деревня эта находилась в пятнадцати километрах соколиного лета от лагеря, но летать Бонифаций не умел. Обычная же дорога, огибавшая горную цепь с западной стороны, была в несколько раз длиннее, что делало ее использование нецелесообразным. Существовал и другой путь – через шедшее посреди гор ущелье Сельджа, но этим маршрутом пользовались лишь безрассудные смельчаки, к которым пришлось причислить себя и Бонифацию: необходимость сдержать данное обещание не оставила ему другого выхода.

Следуя инструкциям, полученным в лагере от одного из разведчиков-берберов, Бонифаций проскакал вдоль подножия гор до реки Сельджа, которая привела его к невидимому снаружи каменистому входу в ущелье. За этими – природными – воротами обнаружилась осыпавшаяся скала, пройти мимо которой можно было, лишь придерживаясь поросшего колким тростником и тамариском русла реки. С трудом пробираясь по усыпанному галькой берегу, конь Бонифация потревожил целые стайки сидевших на камнях перевозчиков и трясогузок, но в конце концов вынес полководца в фантастический каньон, извилистые отвесные стены

которого отходили друг от друга на расстояние примерно в тридцать метров. Над головой полководца, носясь за жучками и мошками, порхали воронки и ласточки.

Далее дорога шла уже не вдоль реки, а по правой стороне ущелья. Никогда еще нервы Бонифация (и его лошади) не подвергались столь серьезному испытанию: продвигаться приходилось по узкой, шириной в полмерта, тропе, слева от которой зияла пропасть. Тем более велика была опасность оттого, что ущелье кишело змеями. Несколько раз полководец ощущал исходившее от скал их злое шипение, а однажды на его пути возникла свернувшаяся кольцом кобра. Отступить было некуда: остановив задрожавшего от страха коня, Бонифаций постарался успокоить животное, в то время как шипение приподнявшейся и расширившей шею огромной змеи переросло в злобное крещендо, – так шипит холодная вода, выливаемая на раскаленную сковородку. Но уже через несколько показавшихся Бонифацию вечностью секунд, по-видимому, решив, что встретившиеся ей создания не представляют угрозы, аспид уполз прочь.

Через несколько километров, к огромному облегчению комита, каньон расширился, и его отвесные стены уступили место пологим откосам. Вскоре Бонифаций уже спускался по северному склону горной гряды, а ближе к вечеру он достиг и деревни, состоявшей из пары дюжин одноэтажных кирпичных построек, рядом с которыми, то тут, то там, стояли сшитые из черных козлиных шкур шатры кочевников. В военном отношении место это представляло собой аванпост Телепта, более крупного поселения, расположенного чуть севернее, где временно квартировали два *pumegī* или подразделения пехоты – *Fortenses* и *Cimbriani*.

Несколько вопросов селянам – и Бонифаций получил всю интересовавшую его информацию. Комит постучал в окрашенную в повсеместный синий цвет дверь одного из строений, и возникший на пороге домовладелец проводил его к пристроенному к задней части здания флигелю. Сорвав скрывавшую вход шкуру, Бонифаций шагнул внутрь. Пробивавшийся сквозь небольшое неостекленное окно тусклый свет позволил ему различить среди беспорядочно расставленной домашней утвари свисавшее с крючков солдатское обмундирование, колыбель со спящим младенцем и кровать, в которой лежали двое, женщина-туземка и крупный светловолосый мужчина. Приход нежданного гостя их, казалось, разбудил.

– Солдат, признаешь ли ты, что она пошла с тобой не по доброй воле, а по принуждению? – гаркнул Бонифаций. Блондин вздрогнул, но отрицать ничего не стал. Повернувшись к женщине, полководец мягко сказал: – Завтра ты с ребенком вернешься в свою деревню, к мужу. Я позабочусь о том, чтобы тебя проводили. – Он смерил солдата брезгливым взглядом: – Оденься и попрощайся. Я буду ждать снаружи.

Не произнося ни слова, Бонифаций и солдат прошли в росшую рядом с деревней кипарисовую рощицу. Восхищенный мужеством легионера, шедшего навстречу смерти безропотно и смиренно, полководец обнажил меч...

* * *

Возвращаться через ущелье Сельджа в спустившихся сумерках Бонифаций не рискнул, избрав безопасный, но гораздо более длинный путь в обход гор. В лагерь он вернулся с зарей, когда над бледными бескрайними просторами Шотта уже мерцало призрачное сияние. Едва солнечный диск поднялся над горизонтом, как изумленный комит стал свидетелем необычного природного явления: видимое второе солнце медленно отделялось от первого. Две сферы разъединились: верхняя ушла ввысь, нижняя задрожала, опустилась и исчезла в Шотте.

Час спустя принявший ванну, гладко выбритый и облачившийся в парадные доспехи (это великолепное, хотя и древнее одеяние – подобные носили во времена Александра Севера – Бонифаций получил от отца спустя семь поколений) комит уже восседал за столом в палатке командующего, готовый проводить трибунал.

Первым в веренице просителей стоял уже знакомый ему юноша.

- Сегодня твои жена и ребенок вернутся домой, – заявил полководец крестьянину.
- А... тот человек, господин?
- Не бойся, мой друг, он больше не доставит тебе неприятностей, – мрачно улыбнувшись, Бонифаций вытряхнул к ногам блемми содержимое сумы – отрубленную человеческую голову.

* * *

Корабль Тита вошел в док торговой гавани Карфагена (у военных судов имелся собственный порт), откуда открывался чудесный вид на разместившийся на холме Бирса capitoлий. Сожалея о том, что время не позволяет ему осмотреть великий город, Тит отправился с выданным ему Аэцием разрешительным документом на центральную почтовую станцию, откуда, согласно полученной инструкции, галопом поскакал в Булла-Регию. Ведшая на юго-запад дорога проходила через красивейшую долину реки Маджерда; на протяжении первых сорока километров все ее пространство, вдоль и поперек, занимали огромные виноградники; далее местность становилась все более и более холмистой, виноградники постепенно сменялись оливковыми рощицами, а поросшие раkitником и терпентинными деревьями склоны казались малопригодными для разведения растений.

Тит родился и вырос у границы с Галлией, в краю, который некогда являлся не входившей в состав Римской империи областью Цизальпинская Галлия и где его семья поселилась более четырехсот лет назад. Италия – в узком смысле этого слова – всегда казалась Титу в какой-то степени чужой, незнакомой страной. Да что там говорить: он и в Риме-то никогда не бывал, если не считать расположенных за пределами города почтовых станций, на которых он менял лошадей во время своего путешествия в Африку!

После слабо пересеченных, туманных земель и небольших провинциальных городов бассейна реки Пад, Африка стала для него настоящим откровением. Яркое солнце, в котором даже далекие предметы сохраняли отчетливые и определенные очертания; бурлящий, космополитический Карфаген с его внушительными монументами и огромными публичными строениями, построить которые, как казалось Титу, человеку было просто не под силу; ошеломляюще плодородные почвы, пшеничные поля, виноградники и оливковые рощи – все это произвело на юношу неизгладимое впечатление. Такое свидетельство могущества Рима и его обширного влияния почти убедило Тита в том, что серьезная опасность Западной империи совсем не грозит. Варварам никогда не удастся совладать с нацией, способной создавать столь впечатляющие творения, подумалось ему.

Проведя ночь в Тичилле, небольшом городке с почтовым *mansio* для обслуживания путешественников, Тит с первыми же лучами солнца вновь отправился в путь, довольный тем, что накануне сумел преодолеть сто двадцать километров – половину расстояния до Булла-Регии. Миновал лесок, состоявший из пробковых деревьев, над верхушками которых парили краснохвостые ястребы, проскакал мимо дубовой, сосновой и лавровой рощиц и – благодаря *cursus velox*, экспресс-почте, дававшей ему возможность менять лошадей через каждые пятнадцать километров, – оказался в Булла-Регии уже после полудня.

Въехав в город, Тит оставил позади себя театр (судя по всему – недавней постройки) и повернул направо, на главную улицу – *cardo*. Оставив лошадь на почтовой станции, он пешком проследовал мимо оживленного рынка к форуму, «зажатому» между древним (заколоченным) храмом и огромной базиликой. Зайдя в последнюю, Тит поинтересовался, где он может найти председателя *decemprini*, внутреннего комитета городского совета, и был препровожден на одну из расположившихся в северной части города вилл. Дорога, по которой вели Тита, пролегла мимо старой церкви, фронтон которой украшали статуи отцов-основателей города, и монументального фонтана, окружавшего Источник Буллы, – именно вокруг него и был заложен город. Место это просто совершенно очаровало Тита: мерцающий мрамор его публичных

строений резко контрастировал с темным покровом сосен и кипарисов, защищавших фонтан от жаркого солнца. Не это ли место, подумалось Титу, Августин, великий глашатай церковной морали, выступая с речью перед карфагенянами, объявил клоакой греха и логовом беззакония?

Оказавшись на вилле, Тит был проведен рабом по перистиллю, а затем – к великому изумлению юноши – вниз по ступеням в сводчатый коридор. В конце прохода обнаружился просторный *triclinium*, обеденный зал, украшенный колоннами и великолепным мозаичным полом, на котором была изображена скачущая верхом на морском коньке Венера. Мягкий свет масляных ламп слепил глаза не так сильно, как палящее дневное солнце. Дом этот во всех отношениях походил на пышно обставленную римскую виллу, – за тем лишь исключением, что был построен под землей.

– Здесь прохладно даже в самые жаркие дни, – услышал Тит чей-то вялый голос. – Летом в Африке не знаешь, куда и деться от зноя. – Голос принадлежал сидевшему в кресле пожилому мужчине в свободном белом платье, которое имело мало общего с туземными одеждами. – Эти подземные жилища – отличительная черта Буллы. Жители Рима делают вид, что презирают нас, называя пещерными жителями. Ну и пусть; в полдень они обливаются потом, мы же чувствуем себя вполне комфортно. Что ж, молодой человек, раз уж вы потревожили мой полуденный сон, давайте выкладывайте, чего вы хотите.

Тит повиновался.

– Комит Бонифаций сейчас в отъезде, проводит ежегодную инспекцию центральных провинций, – сказал глава *decemprini*, – что нас, декурионов, вполне устраивает: мы можем немного передохнуть, работая не по двенадцать часов в день, а вдвое меньше. – Он криво улыбнулся. – Не поймите меня неправильно: комита здесь все очень любят. Просто человек он настолько неугомонный, что не все выдерживают заданного им темпа. В присутствии Бонифация – можете быть уверены – никто никогда не позволит себе никаких вольностей. В прошлом году один из его солдат соблазнил жену какого-то местного, – так комит ему голову отрубил. Не человек – человечисе!

Спрашиваете, где он может быть сейчас? Дайте-ка подумать. Вскоре он должен вернуться в Карфаген, так что уже, наверное, закончил очистку границ от всякого рода бандитов и держит путь на север. Советовал бы вам направиться по главной дороге на юг, к Суфетуле. Если повезет, возможно, где-нибудь вы с ним и пересечетесь.

Предложенные председателем *decemprini* ванна и обед были с благодарностью приняты, и в путь Тит отправился уже ближе к вечеру. Там, где Маджерда соединялась с какой-то крупной рекой, он пересек широкую равнину, и к заходу солнца достиг подножия Дорсальских гор, чей гребень служил границей между провинциями Африка и Бизацена. Там, в уединенном *mansio*, Тит и переночевал. На следующий день, по петляющей горной дороге, по бокам которой росли каменные дубы и аллепские сосны, забрался на вершину горной гряды, перейдя которую обнаружил себя в совершенно ином мире. К южному горизонту простиралось бескрайнее пространство сухих и желтых, словно покрытых увядшими листьями, лугов и пастбищ. В лицо Титу подул горячий, как из печи, ветер. Именно здесь, понял юноша, и начинается настоящая Африка – континент, а не провинция. Уже спускались скорые тропические сумерки, когда он добрался до небольшого городка Суфес, глухого захолустья, отличавшегося от других подобных лишь тем, что селение это было одним из немногих мест, удостоившихся порицания Августина. Здесь, впервые за несколько дней путешествия, Тит узнал достоверные новости о Бонифации; поговаривали, что комит находится в трех днях пути⁶, в Телепте, и направляется на север.

Воодушевленный, Тит выехал из Суфеса с первыми лучами солнца и, преодолев тридцать километров несложной дороги, оказался в Суфетуле, красивом, совершенно римском,

⁶ День пути – мера длины, равная примерно 28, 7 км. (Примеч. ред.)

несмотря на свое пуническое имя, городе. Он поразил Тита не только своими домами из удивительного коричневатого-желтого камня, но и тем, что располагал театром, амфитеатром, акведуком, публичными термами, кафедральным собором и как минимум тремя триумфальными арками. Передовой отряд Бонифация уже находился в городе и был занят тем, что реквизировал квартиры и занимался сбором корма для скота. Разумно предположив, что сам он может ехать гораздо быстрее, нежели идущая походным шагом конница, Тит устремился вперед, надеясь застать основное войско Бонифация в расположенной в шестидесяти километрах от Суфетулы крепости Циллиум. Прибыв туда, он обнаружил армию полководца разбивающей лагерь вне крепостных стен, – судя по всему, поселение то было недостаточно большим для того, чтобы обеспечить помещением для постоя всех солдат. Один из трибунов проводил Тита в небольшой лесок, где, между фиговыми деревьями, с задумчивым видом прогуливался комит.

– Курьер из Равенны с посланием для вас, господин, – доложил офицер. – Говорит, что дело срочное.

– Все они так говорят, – пробормотал Бонифаций, но остановился. – Несрочных посланий не бывает – особенно теперь, в наше беспокойное время. Что ж, давай взглянем, что за вести ты нам принес. – С этими словами комит протянул руку Титу.

Бонифаций всей своей наружностью походил на одного из солдат, рельефные изображения которых украшали знаменитую Арку Константина. Он был великаном (рост комита чуть-чуть не достигал двух метров), так что внешний вид полководца не мог не привлечь внимания. На нем были парадные доспехи, которые, наверно, носили еще во времена Галлиена или Аврелиана: кираса с изображенной на груди головой Горгоны и аттический шлем старого типа, вышедший из употребления на Западе еще при Диоклетиане; кроме того, на перевязи у полководца висела не современная *spatha*, а короткий *gladius*. Даже волосы его, – как лицо, так и кожу головы комита покрывала жесткая щетина, – были подрезаны по моде давно ушедших эпох.

– Что, нравится моя униформа? – приветливо спросил полководец, когда Тит передал ему письмо Аэция. – Она, конечно, слегка устаревшая, но передается в моей семье от отца к сыну на протяжении вот уже семи поколений, так что я чувствую себя обязанным носить ее. Как бы то ни было, столь дальний путь тебя, должно быть, прилично измотал. Мой трибун проследит за тем, чтобы ты смог принять ванну, переодеться и сытно откусать. А позднее, за бокалом вина, расскажешь мне о том, что происходит в Равенне.

Когда Тит и приведший его офицер удалились, комит развернул свиток и принялся читать:

«Написано в Равенне, провинция Фламиния и Пицен, диоцез Италии, в год консулов Иерия и Ардавур, в VII июльские календы⁷. Флавий Аэций, Магистр Конницы всея Галлии, Комит, приветствует Бонифация, Комита Африки и командующего всеми расквартированными там войсками.

Благороднейший и наисветлейший комит! Будучи вашим другом, пишу это письмо в спешке и тайне, исключительно из беспокойства о вашем и Рима благоденствии. Из надежных источников мне стало известно, что в скором времени вы получите приказ, подписанный императрицей-матерью Элией Галлой Плацидией от имени императора, немедленно вернуться из Африки в Равенну. Что вынудило ее решиться на подобный шаг, я не знаю; могу лишь сказать, что дворец в последнее время превратился в настоящий рассадник интриг и козней, куда не взглянешь – повсюду евнухи и придворные, заботящиеся лишь о собственном благополучии. Я располагаю информацией, что некоторые из них, завидуя вашим успехам и власти, неустанно настраивают Августу против вас. Против вас, одного из самых преданных ей слуг!

⁷ 25 июня 427 г.

Какая несправедливость! Заклинаю вас, друг мой: не подчиняйтесь приказу, который получите. Повиновение приведет вас к краху. Вспомните Стилихона, который, впад в немилость, явился в Равенну без вооруженных сторонников и немедленно был казнен. Рим не может позволить себе потерять одного из вернейших своих слуг. Я же тем временем осмелюсь ходатайствовать за вас перед Августой; лжецы будут разоблачены, обещаю. Прощайте.

Отослано с моим верным агентом Титом Валерием Руфином».

С растущим недоверием Бонифаций перечитал письмо. Чтобы императрица поверила в подобное вероломство – возможно ли такое? Пластиция, которую он поддерживал и в печали, и в радости? Что ж, по крайней мере, он предупрежден – благодаря Аэцию. Похоже, есть еще честные люди в Римской империи. Как же быть? Если верить Аэцию, возвращение в Равенну – если такой приказ действительно придет – равносильно собственноручному подписанию смертного приговора. Отказ же, несомненно, будет воспринят как мятеж, и тогда в Африку, для того чтобы арестовать его, почти наверняка прибудет вооруженный отряд.

Как бы то ни было, если враги рассчитывают на то, что он поведет себя смиренно, они глубоко заблуждаются. Он приведет войска в состояние боевой готовности и приготовится оказать сопротивление. В преданности своих солдат Бонифаций не сомневался, но в том, что они смогут дать достойный отпор силам имперской армии, он был не столь уверен. Его римское войско и призванные ему помогать наемники-берберы находились в Африке для подавления случавшихся время от времени локальных восстаний. Что ж, пусть это решают боги (виноват – Бог, поправил себя комит, мрачно усмехнувшись).

* * *

Едва лишь заметив далекое, но быстро приближающееся облако пыли, Бонифаций понял, что грядут неприятности. С дюжину точек в центре облака быстро материализовались в группу тяжело скачущих солдат. Они рассредоточились по периметру лагеря; два декуриона в полном обмундировании спешили и, решительно подойдя к комиту, отдали честь.

Один из офицеров вручил Бонифацию свиток. Разворачивать его полководец не стал: он и так знал, что содержит в себе пергамент – написанное пурпурными чернилами предписание возвращаться в Равенну.

– Вам придется отправиться с нами, господин, – уважительно, но твердо сказал офицер.

Какие-то доли секунды лицо Бонифация выражало сомнение: комит понимал, что игнорирование императорского приказа будет иметь тяжелые последствия.

– Это невозможно, – вежливо ответил наконец полководец. – Сожалею, господа, но, приехав сюда, вы зря потратили время.

Глава 5

*И безусловно, на правах хозяина, Господь требует наши сердца,
наши уста, наше время.*

Павлин, епископ Нолы. Письмо Авсонию. 395 г.

Нервно расхаживавший по дворцу своего друга, епископа Карфагена, Августин Аврелий, благочестивый и набожный епископ Гиппона (диоцез Африки), повсеместно известный и почитаемый автор «Исповеди» и «О граде Божьем», имел вид озабоченный и испуганный. Наступило первое января, день назначения консулов и празднования наиболее популярного и, безусловно, самого ожидаемого ежегодного торжества, с незапамятных времен отмечаемого во всем римском мире – Календ. И он, Августин, собирался отправиться в карфагенский форум для того, чтобы осудить этот праздник.

Решиться на такое оказалось совсем не легко. В известном смысле, к этому решению он шел всю жизнь.

Мир, в котором Августин родился, – а случилось сие событие через семнадцать лет после смерти великого императора Константина, – значительно отличался от того, в котором он жил теперь. В то время христианство, вера, провозглашенная – после многих лет жестоких преследований – Константином официальной религией Римской империи, стала объединяющей силой в государстве, разрываемом на части многочисленными разногласиями и противоречиями.

Но не успело вырасти следующее поколение римлян, как казавшаяся сильной и крепкой империя вновь погрузилась в глубочайший кризис. Бедствия и несчастья следовали одно за другим: Адрианополь, нашествия готов, переход Рейна полчищами германских племен, разграбление Рима. Вместо стабильности и уверенности – хаос и ощущение опасности. Тем не менее, в то время как государство становилось все более и более слабым, его детище, Церковь, набирало силу и влияние. Вынужден ведь был могущественный Феодосий преклонить колени перед Амвросием, епископом Медиолана, и просить прощения за свои грехи! Но согласие, еще недавно существовавшее между Церковью и государством, осталось в прошлом: христианские лидеры все чаще и чаще подчеркивали бесполезность земных материй, начав размышлять над тем, что ранее казалось непостижимым, – выживании Церкви в мире, не имеющем ничего общего с Римской империей.

Происходя на глазах Августина, все это самым удивительным образом отображало события его личного жизненного пути. В те годы, когда христианство беззаботно сосуществовало с прочими религиозными направлениями, он, еще не будучи христианином, вел праздную юношескую жизнь, находя удовлетворение в сладостных объятиях женщин и посещениях соблазнительно притягательных арен. Затем пришел тот слепящий момент прозрения, когда – во сне – послышался Августину детский голос, убедивший его поискать вдохновение в христианской Библии: «*Tolle, lege* – Возьми, читай». С той самой минуты, даже несмотря на то, что над империей сгустились штормовые тучи, а Церковь фактически объявила войну ереси, он старался всего себя отдавать служению Господу, избегать мирских занятий и удовольствий. Далось это ему нелегко. «Дай мне безгрешности и умеренности – но не сейчас», – просил Августин в «Исповеди»; столь ожесточенной была его борьба. Мучительный личный выбор пришлось сделать многим. Входил в их число и приятель Августина, Павлин, епископ Нолы, которому ради служения Богу пришлось порвать отношения с ближайшим другом, образованным и мудрым поэтом Авсонием.

Ужасная травма, вызванная разграблением Рима, окончательно оформила стремления Августина, подтолкнув его к написанию *tagnum opus* «О граде божьем». Не следует больше

людям беспокоиться о Земном Граде, убеждал он; вместо этого они должны стремиться к Новому Иерусалиму, Небесному Граду, где их ждет единение с Господом. Вместе с тем с каждым днем все больше и больше росло его убеждение в том, что войти в Град Божий за счет одного лишь своего стремления люди не смогут. Грехи – вот их преграда на этом пути. Все люди – грешники, но одной лишь их воли и желания для искупления вины недостаточно. Для попадания на небеса нужна праведность, благодать Господня. Тем же, кому был ниспослан этот дар – Избранным, – получить его было назначено судьбой. На все – воля Божья, и никто без нее избавления от грехов получить не может – в этом Августин был уверен. «Праведность, предопределение, Божья воля» – таким стало его теологическое кредо.

И вот момент истины настал. В день, когда все будут отмечать Календы – предаваться пьянству, чревоугодию и распутству, обмениваться подарками и демонстративно похвалиться собственным богатством, – безмолвным он оставаться не должен. Праздник этот являлся ужасающим празднованием всего того, что олицетворял собой старый языческий Рим. Остаться в стороне и ничего не сказать – значит постыдно простить его. С тяжелым сердцем, но с твердым намерением осуществить задуманное Августин покинул дворец и направился в форум.

От того, старого, Карфагена, величественного финикийского города, что знал Ганнибал, ничего уже не осталось. Завоеватели его, с поистине римской целенаправленностью, превратили его в руины для того, чтобы затем перестроить по собственному образцу. Второй город Запада, город с его форумом, базиликами, театром и университетом, по улицам которого шел сейчас Августин, – практически ничем теперь не отличался от прочих крупных городских центров Римской империи.

Поднимаясь на холм Бирса, где располагался форум, Августин на минуту остановился – перевести дыхание. «Годы дают о себе знать, – печально подумал он, – скоро мне стукнет семьдесят пять». Вдыхая потоки холодного зимнего воздуха, он окинул взглядом город. На севере, далеко за городской чертой, вырисовывались неясные очертания Карфагенского мыса; на востоке, прямо под ним, простиралась широкая двойная гавань: эллипсоидная – для торговых судов, округлая – для военных. На западе, за секуляризированным ныне Храмом Нептуна, тянулись предместья Карфагена – Мегара, на фоне которых выделялись грандиозное здание цирка, огромный овал амфитеатра и гигантский акведук Адриана, уверенно шагавший вдаль, на девяносто километров от моря, к Загуану, источнику, снабжавшему город водой.

Августин вошел в форум. С виду – все безвредно и радостно, подумал он, глядя на тихо кружащие толпы, счастливые, возбужденные лица, яркие цвета лучших нарядов, вытаскиваемых из сундуков лишь по случаю крупных празднеств. Но за этой улыбающейся маской пряталась уродливая и опасная реальность. И его, Августина, святая обязанность – сорвать эту маску и разоблачить скрывающиеся за ней вождение и порочность. Внезапно епископ почувствовал уверенность и спокойствие, словно сошла на него благодать Господня; сердце его перестало стучать. Он вскинул вверх руки, и – вот сколь великим был его авторитет! – приглушенное ликование в форуме стихло; люди признали его высокую, тощую фигуру. То тут, то там зашептали: «Епископ Гиппона... Августин собственной персоной... Пришел благословить нас...».

– Карфагеняне... Друзья... Христиане, – начал Августин. – Рад видеть, что вы собрались здесь сегодня; рад так, как радуется отец, наблюдающий за тем, как играют его дети. Но представьте себе, что эти детские игры могли бы завести их в вади, в вади, где скрываются ядовитые змеи и скорпионы? Разве он не предостерег бы их от этого? Уберечь детей своих от неверных поступков – не в этом ли заключается отцовский долг?

Толпа одобрительно загалдела. Многие из пришедших в форум помнили, как беспокойные родители не позволяли им играть в лесных районах или заброшенных строениях.

«Хорошее начало», – подумал Августин. Секрет правильного обращения с аудиторией заключался в том, что слушателей всегда следовало ругать, а не хвалить; этому он научился

у «златоустого» архиепископа Константинополя, Хризостома, автора незабвенных «Наставлений».

– Господь, Отец ваш Небесный, любит вас и предостерегает – через меня, своего недостойного слугу, – от опасностей, которым вы подвергаете себя, принимая участие в этом празднике. Вы ослеплены его великолепием и роскошью, оглушены шумом его обольстительной музыки, и не замечаете спрятавшихся за камнем василисков, не слышите злого шипения змей. От всего своего сердца советую я вам отказаться от искушений этого нечестивого фестиваля. Подумайте лучше о любви Божьей, спросите себя: «Стоит ли мне отвергать эту любовь и ставить тем самым душу свою под угрозу?» Ведь отмечая этот греховный праздник, именно так вы и поступаете.

Августин остановился, внезапно осознав, что, увлекшись силой собственного красноречия, он совершенно забыл о своих слушателях, времени и месте – обо всем, за исключением крайней необходимости предупредить пришедших в форум карфагенян о неблагоприятности их поведения. Он взглянул на небо: солнце уже прошло свой меридиан. Он начал свою речь в четвертом часу, то есть... говорил больше двух часов! Августин обвел взглядом слушавших его людей. Уважая его авторитет, они не разошлись, но стали беспокойными и невнимательными. У многих на лицах читалось недоумение; большая же часть собравшихся выглядела уставшей и сердитой, возмущенной таким вторжением в их веселье. Будучи реалистом, Августин понял, что не сумел завоевать их расположение и что, продолжая выступление, он рискует еще больше восстановить их против себя, и решил закругляться.

– Вот почему, друзья мои, хочу я закончить словами...

– Ох, избавьте нас от своих поучений – вы и так сказали достаточно, – прервал его невысокий, полный мужчина, лицо которого показалось Августину смутно знакомым. «Макробий, автор трактата «Сатурналии», – вспомнил он, – *rhetor* в университете, том самом учреждении, где я выиграл приз в риторике». Пребывая в смятении, Августин услышал, что острога молодого ученого была встречена приветственными смешками. Почувствовав назревающий конфликт, толпа оживилась. Сдавать ситуацию без боя Августин не собирался.

– Если из всего моего скромного выступления вам запомнится лишь одно, пусть – пусть это будет... – Тут Августин запнулся; он чувствовал, что голос его звучит слабо, примирительно. Не так все должно было закончиться. Он продолжил. – Запомните лишь одно, друзья. Без милости Божьей мы – никто. Сами мы ничего...

– Не можем сделать? – Макробий превратил утверждение Августина в вопрос. – Ваше высокопреосвященство, – формально правильное обращение было произнесено с едва уловимой иронией, – вы все время вспоминаете о милости Божьей. А как же воля самого человека? Вы что, считаете, мы ничего не можем добиться сами?

– Так вы утверждаете, что люди могут прийти к добродетели сами, без Божьей помощи? – пылко возразил епископ. Самообладание, увещевал он себя, сохраняя самообладание; стоит лишь дать выход гневу – и все будет потеряно.

– Не совсем так, – легко парировал его оппонент. – Похоже, вы не настроены отвечать на мой вопрос. Что ж, тогда я отвечу на ваш. Возможно, милость Божья и существует; отрицать не буду. Но лишь в качестве божественной помощи. Небеса помогают тем, кто сам творит свою жизнь.

Слова Макробия потрясли Августина до глубины души. Отрицание верховенства Божьей воли было равнозначно ереси. Этот человек опасен, подумал епископ, очевидно, он является последователем того шотландского монаха, Пелагия, который утверждал, что к избавлению люди могут прийти лишь через собственные старания и стремления.

– По сути же, из вашей теории праведности и предопределения можно сделать безрадостные выводы, – продолжал Макробий. – Согласно вашей философии, все, что происходит,

предопределено заранее, из чего мы можем заключить, что варвары в любом случае опустошат Римскую империю – ваш Град Земной, – и ничего с этим поделать мы не в силах.

Приглушенный гул одобрения пронесся по форуму. Номинально будучи христианами, многие из собравшихся все еще сохраняли языческий, мирской склад ума; в качестве гарантии личной безопасности вопрос продолжения существования империи являлся для них крайне значимым.

– Римская империя и Земной Город – не одно и то же, – возразил Августин, вынужденно переходя в наступление. Епископ был на грани паники – ситуация ускользала из-под его контроля. В отчаянии он огляделся по сторонам. Где же *defensores*, церковная стража, которая имеет право арестовать религиозных агитаторов? «Попрятались по углам», – подумал он с горечью. Естественно – в этот день народного ликования любые попытки арестов легко могли вызвать массовые беспорядки.

– Земной Город – это государство нечестивцев – падших ангелов, душ грешников, живущих в этом мире, – прокричал Августин, но его уже никто не слушал. Впервые в жизни епископ потерял внимание аудитории.

В форуме вдруг стало темно; небо заволкло огромными грозowymi облаками, задул типичный для этих мест северо-западный зимний шквалистый ветер. Застучавший по брусчатке и крытым черепицей крышам домов град вмиг разогнал толпу. Макробий иронично помахал Августину рукой:

– Своевременное вмешательство, вы не находите, епископ? Уж не по божьей ли милости?

Потрясенный и униженный, возвращался Августин во дворец по опустевшим улицам. Затея его потерпела полный крах. Ничего, битва еще не закончена, сказал он себе. Пусть враги Господа нашего сильны и вездесущи, я до конца дней моих буду давать им отпор. Будет на то воля Божья – придет и победа.

Глава 6

*О поступках судят по их результатам.
Августин Аврелий. Письма. 400 г.*

К толстой стопке листов папируса, помеченной «Бонифаций», Аэций добавил последнее донесение из Африки, только что присланное одним из *agentes in rebus*, тайных агентов, постоянно державших его в курсе всех изменений политической ситуации в этом регионе. В своем личном дневнике полководец написал: «Еще немного – и Бонифаций попадет в расставленные мною сети. Поступив так, как я ему советовал, он нарушил указания императора, что, само по себе, уже является довольно-таки серьезным проступком, но – в его случае – не тем, что карается смертной казнью. Вряд ли Платидия согласится казнить героя прежних лет за такую мелочь. Тем не менее, оказав вооруженное сопротивление тем, кто был послан его арестовать, Бонифаций перешел Рубикон и должен быть объявлен врагом государства».

Жаль, что ради благого дела приходится жертвовать таким прекрасным воином и человеком, искренне жаль, подумал Аэций, вновь завязывая ремешки, коими был перетянут кодекс, представлявший собой набор тонких воощенных дощечек, заключенных в изысканный, искусно вырезанный из слоновой кости футляр – подарок Платидии «преданному другу». Собственные мысли папирусу он старался не доверять. «Всегда пиши на воске, – советовал ему отец, бывший, как и сам Аэций, магистром конницы и непревзойденным политическим интриганом, – чернила – союзник палача». И совету этому Аэций следовал усердно и неукоснительно. Конечно, он, бывало, писал и противоречащие друг другу письма Бонифацию и Платидии, но они попадали в категорию государственных тайн и фактически не могли стать объектом расследования. Досье же, заведенное на Бонифация, содержало бесстрастные и фактические донесения, никоим образом не свидетельствующие о некоем злом умысле. Все же то, что писалось на парафинированных табличках, легко стиралось тупым концом пера. И пока Аэций продолжал сохранять осторожность, руки его оставались незамаванными – по крайней мере, в глазах окружающих. А не это ли – главное? В конце концов, разве не этот принцип лежит в основе теологической позиции, занятой самим Августином в отношении нравственного поведения тех, кто совершает те или иные деяния? «О поступках судят по их результатам», – успокоил епископ своего друга Консенция, когда тот признался, что солгал для того, чтобы спасти обвиненного в разовой растрате чужих денег, во всех же прочих отношениях – совершенно безупречного, чиновника.

Да, план хорош, почти совершенен, как годами выдерживаемое в холодном погребе фалернское вино, усмехнулся Аэций. И пока все складывается как нельзя лучше – главным образом потому, что Бонифаций, славный, но простоватый Бонифаций, доверяет ему, Аэцию, приближая тем самым собственную погибель. Последние его действия и вовсе граничат с изменой. Если собранных Бонифацием войск окажется недостаточно для того, чтобы организовать полномасштабное наступление на империю, его уже в самом скором времени доставят в кандалах в Равенну. Последует короткий суд – и городские стены станут свидетелями того, как топор палача отделит голову комита Африки от его туловища. Самое время окончательно решить проблему, постановил Аэций и взялся за перо. Через пару часов он уже перечитывал очередное свое послание попавшему в передрагу военачальнику; вознаградив открытое неповиновение Бонифация властям самыми лестными эпитетами, Аэций призывал его проявить твердость и пойти до конца. При одной лишь мысли о том, что его соперник попадет на эту удочку, Аэция охватило необычайное возбуждение; и все же на душе у великого полководца скребли кошки – как если бы он собственноручно толкнул Бонифация в пропасть.

* * *

В состоянии глубокого отчаяния, заложив руки за спину и вперив взгляд в землю, расхаживал Бонифаций взад и вперед по саду, разбитому рядом со штабом его войск в Карфагене. Место это все больше и больше походило на убежище, где он мог привести в порядок свои расстроенные мысли и попытаться выработать ту схему действий, благодаря которой ему удалось бы справиться с растущим кризисом, грозившим его уничтожить.

Уловив едва заметное движение под ногами, Бонифаций остановился. Замер в выжидательной позе и пробежавший мимо грызун – песчанка, неосмотрительно покинувшая свою нору. Улыбнувшись, полководец высыпал перед зверьком его обычное вознаграждение – горстку зерен пшеницы.

– Хоть ты, дружок, на моей стороне, – прошептал Бонифаций.

Он был благодарен Аэцию за одобрение и моральную поддержку, высказанную в последнем письме. Но Аэций находился за тысячу с лишним километров от Карфагена и материальной помощи предоставить не мог. Суровая же реальность заключалась в том, что без поддержки со стороны какого-нибудь могущественного союзника Бонифаций был обречен. А вот союзников-то у него как раз и нет.

Или же есть? Комит резко остановился, словно наткнувшись на невидимое препятствие. На лице Бонифация заиграла улыбка – господь ниспослал ему озарение. Все его природные инстинкты и воспитание тут же восстали против посетившей его мысли, побуждая от нее отказаться. Она была бредовой, она была предательской... Но то была единственная его надежда. Будь что будет, решил Бонифаций – и по возвращении в лагерь вызвал к себе нотарию.

Глава 7

Среднего роста, хромой из-за падения с лошади, скрытный, немногоречивый, презиравший роскошь, бурный в гневе, жадный до богатства, крайне дальновидный, когда надо было возмутить племена, готовый сеять семена раздора и возбуждать ненависть.

Описание Гейзериха: Иордан. О происхождении и деяниях гетов. *Getica*. 551 г.

Деревня была взята в плотное кольцо окружения. С трех сторон ее опоясывали крутые каменистые возвышенности, вдоль гребня которых и рассредоточились вандалы, а последний выход, из гавани к морю, в любую минуту могли блокировать захваченные в Картаго Нова римские галеры, стоявшие на приколе в соседней бухточке.

Далеко на востоке меркнул и исчез сумрак – ложный рассвет. Но над Балеарскими островами уже вставало солнце, и вскоре окружавшие деревушку горные хребты вспыхнули под его ранними лучами; склоны залило ярким светом, открывшим вожделенную цель налетчиков – беспорядочно разбросанные вокруг чистого, прямоугольной формы участка земли, в одном из углов которого примостилась небольшая церквушка. Едва пропели петухи, из-за ближайшего мыса появился нос первой галеры, и Гейзерих протрубил в рог.

Гейзерих, единокровный брат Гундериха, короля вандалов, был зол, ожесточен и расстроен. Впрочем, ничего странного в этом не было: в таком состоянии он пребывал практически всегда. Но тем утром эти эмоции проявились гораздо острее, нежели обычно. Дурное его настроение было вызвано несколькими причинами: избыточная и густонаселенная – как следовало из донесений разведчиков – деревня представляла собой печальное зрелище, что сводило все его надежды на богатый улов к нулю; во время короткого путешествия вдоль южного побережья Испании он жутко страдал морской болезнью; в самый последний момент – уже собирались бросить якорь – его превосходное римское судно налетело на скалу. (Неповоротливому рулевому отрубили руку, что немного облегчило страдания Гейзериха.)

Истинные же причины его холерического темперамента были гораздо более глубокими и сложными. Гейзерих был мал ростом и хром, тогда как его брат выделялся статью и отменным здоровьем. Он был незаконнорожденным сыном своего отца, брата же его родили в браке, и в жилах его текла настоящая королевская кровь. Но больше всего Гейзериха раздражало то, что, обладая острым умом и непревзойденными лидерскими качествами, он был никем, тогда как его ничтожество-брат являлся королем.

Когда, двадцать один год назад, его народ вместе со свевами, аланами и бургундами пересек замерзший Рейн и обрушился на Галлию⁸, он был еще ребенком. Вместе с все теми же свевами вандалы продвинулись в глубь Испании и, разгромив посланную для их сдерживания римскую армию, поселились на юге полуострова, существуя главным образом за счет грабежей и разбоев. Так что положение его племени, окруженного враждебно настроенным коренным населением и жившего в постоянной угрозе новых карательных экспедиций, являлось, мягко говоря, шатким.

Едва эхо разнесло громкий трубный призыв по скалам, застывшие в ожидании вандалы высыпали из своих убежищ, заполонив дворы и огороды обреченной деревушки. Та, за исключением трех направлявшихся к роднику женщин и ведшего коров на выгон мальчугана, еще спала. В соответствии с полученным приказом вооруженные налетчики врываются в дома, выводя их заспанных и испуганных обитателей, многие из которых не успевали даже одеться

⁸ 31 декабря 406 г.

и вынуждены были прикрывать свою наготу руками, на улице. Не прошло и десяти минут, как все население деревни – три с небольшим сотни человек, выделявшихся оливкового цвета кожей на фоне светловолосых и голубоглазых захватчиков, – собралось у дверей церкви. Гнетущую, пронизанную страхом и дурными предчувствиями тишину нарушал лишь плач покоившихся на руках матерей младенцев.

Шло время, отбрасываемая церквушкой тень уже отступила далеко за площадь, но люди продолжали молчать. На расстеленное перед Гейзерихом одеяло мародеры бросали жалкие кучки того, что удалось обнаружить: кольца, монеты, булавки, броши, кухонную утварь. Большею частью то были изделия из бронзы и железа, золотые или серебряные украшения встречались крайне редко. Один из вандалов вынес из церкви миссорий и потир, мгновенно засверкавший на утреннем солнце.

– Серебро, – провозгласил он гордо.

– Ну да, серебро бедняков, – прорычал Гейзерих; глаза его пылали яростью и разочарованием. – Это олово, глупец.

Злобным взглядом обвел он толпившихся перед ним испанцев.

– Кто тут священник? – спросил Гейзерих на ломаной латыни. Говорил он медленно, взвешивая каждое слово, но голос его, сиплый и низкий, был слышен в каждом из углов площади.

Ответом ему была тишина, лишь подчеркиваемая приглушенными всхлипываниями и детским плачем. Гейзерих обнажил зубы в мрачной улыбке. Легкий кивок головой стал для его людей сигналом к действию, и вот уже двое из них выдернули из толпы какого-то мужчину. Один из вандалов взмахнул рукой – и, издав булькающий звук, тот упал с перерезанным горлом. Вздох ужаса пронесся по рядам крестьян.

– Кто тут священник? – повторил Гейзерих все тем же монотонным голосом. На сей раз вопрос его был услышан; высокий, средних лет мужчина шагнул из толпы.

– Священник здесь я, варвар. И я возражаю против подобного обращения с моей паствой, против убийства ни в чем не повинного человека. Требую, чтобы... – Тут он был вынужден замолкнуть, так как губы его в кровь разбила рукоять копья.

Гейзерих отдал несколько отрывистых приказаний, и его люди начали заталкивать крестьян в церковь, подгоняя особо медлительных при помощи окриков и ударов тыльными концами копий. Ничего хорошего их действия не предвещали: перед тем как запереть двери, вандалы покидали в строение мебель, тележки, портьеры и прочие легко воспламеняющиеся материалы.

Гейзерих обернулся к священнику.

– Где ваши церковные богатства – усыпанные драгоценными камнями раки, серебряные кувшины и тому подобное? Знаю – вы, римляне, скорее станете прозябать в нищете, чем оставите свои алтари неукрашенными.

– Мы не можем позволить себе дорогую посуду, – прошамкал священник, выплевывая из окровавленного рта выбитые зубы. – Мы – всего лишь бедные рыбаки и крестьяне. Это все, что есть ценного в нашей церкви, – он указал на оловянные чаши.

– Что ж, тогда мы будем великодушными и оставим их вам. Скажи мне, священник, веришь ли ты в то, что Христос Сын равен Богу Отцу?

– Он и есть истинный Бог, из той же материи, что и Отец, и ни в чем ему не уступает.

– Заблуждающийся еретик, – прорычал Гейзерих. – Как может быть сын равным своему отцу? Он моложе, а потому и стоит ниже в небесной иерархии. – Будучи фанатичным арианцем, Гейзерих относился к никейскому католицизму с не меньшим презрением, чем к самим римлянам. – Что ж, пей кровь своего Спасителя, да не вино, а саму чашу.

Принесли котел, разожгли огонь – и уже через несколько минут миссорий и потир превратились в кипящую жидкость. Двое вандалов держали священника за руки, третий же вогнал

в его разбитый рот воронку и влил в нее расплавленный металл. Пару мгновений бедняга бился в молчаливой агонии в руках истязателей, затем, высвободившись, еще какое-то время катался по земле, корчась от боли, и наконец затих.

– Король, король плывет! – вскричал вдруг один из вандалов, указывая на море. В гавань входила огромная галера, на парусе которой был вышит личный символ Гундериха – оцетившийся вепрь; блокировавшие вход суда поспешно разлетались по сторонам, освобождая проход.

Совершенно игнорируя прибытие брата, Гейзерих приказал зажечь факелы и бросить их в церковь. Люди его уже готовы были выполнить приказание, когда на площади, в сопровождении многочисленной свиты, появился Гундерих; длинные его белокурые волосы волнами спускались на широкие плечи.

– Остановитесь! – проревел он. – Разве я не говорил тебе, брат, что с римлянами мы должны жить в мире, что мы не должны давать им повода воспылать к нам ненавистью? Если мы хотим и впредь оставаться на этих землях, нам придется помнить об этом.

– Пусть уж лучше они нас боятся, *брат*, – нарочито дерзко отвечал ему Гейзерих. Взяв из рук стоявшего рядом вандала горящий факел, он с силой швырнул его в не прикрытое ставнями окно. Не прошло и нескольких секунд, как из заколоченной церкви клубящими повалил дым, раздались крики и громкий треск дерева.

Лицо Гундериха побелело от гнева.

– Я пришел сказать тебе, брат, – для того чтобы оказаться услышанным в шуме пожара и посреди криков заживо сжигаемых крестьян, ему пришлось повысить голос, – что эти самые римляне обратились к нам с просьбой о помощи. Комит Африки прислал посланника. Он хочет, чтобы мы вместе с ним выступили против императора.

Вихрь мыслей пронесся в изошренном мозгу Гейзериха. Африка. Заполучив ее, он сможет удовлетворить все свои прихоти, да и люди его в накладе не останутся.

Ночью, когда лагерь вандалов погрузился в сон, он разыскал древнюю старуху, искусную в приготовлении целебных мазей. И ядов.

Глава 8

Существует ли какое-либо другое имя, подходящее им [вандалам] столь же хорошо, как варвар, что означает дикость, жестокость и страх?

Виктор из Виты. История гонений в африканской провинции. После 484 г.

– Темнеет, мой друг, а ведь нет еще и восьми. – Августин, епископ Гиппона, гроза еретиков, умнейший человек и самый влиятельный священник Запада, попытавшись оторвать голову от подушки, одарил комита Африки озадаченной улыбкой.

Выглянув из окна верхней комнаты, Бонифаций сделал вид, что изучает небо: на нем не было ни облачка. По ту сторону крепостной стены Гиппон-Регия (названного так потому, что некогда этот город был столицей нумидийских царьков), изнемогавшие от августовского зноя вандалы пытались соорудить очередную версию осадной башни. Как и ее предшественницы, конструкция эта выглядела абсолютно безнадежной – несколько точных выстрелов одной из поднятых на крепостной вал *ballistae*, и от нее останутся одни лишь щепки.

– Это песчаный ветер, Аврелий, – ответил Бонифаций; время от времени солнце скрывалось за кружащей завесой песка, приносимого горячим южным ветром. Сердце полководца трепетало от страха. Вот и все, конец уж близок. Смерть все настойчивее и настойчивее стучалась в двери, горя желанием отнять у него ближайшего друга, единственный источник тепла и успокоения в эту чудовищную пору. «Вот к чему привело мое обращение за помощью к Гундерику, королю вандалов», – с ужасом и виной подумал Бонифаций.

В самый разгар приготовлений к отплытию в Африку Гундерих внезапно умер от загадочной болезни. Во главе вандалов встал его единокровный брат, Гейзерих, который погрузил все свое племя на захваченные римские суда и корабли, любезно предоставленные испанскими «хозяевами», и по узкому проливу перевез его по ту сторону Геркулесовых Столпов. Однако, оказавшись в Африке, вандалы не пришли на помощь Бонифацию, а под предводительством своего кровожадного вожака устремились на восток, оставляя за собой разрушение и разорение. Ряды их то и дело пополнялись за счет мятежников-мавров, рабов и донатистов – членов многочисленной и беспощадно преследуемой секты, во главе которой стояли ненавидевшие Рим головорезы.

Парализованный раскаянием, утративший то решительное великолепие, что позволило ему некогда разбить мавров, комит Африки попытался оказать сопротивление захватчикам, но руководил своей армией как-то вяло и нерешительно, что и привело к ужасающим последствиям – войско его не устояло под напором вошедшего в раж противника и бросилось врассыпную. Бонифаций тяжело вздохнул; из-за его исключительного безрассудства Запад потерял самый богатый свой диоцез, дававший империи половину всех ее зерновых культур.

С какой бы радостью положил он сейчас конец своей жизни! При схожих обстоятельствах его предок – тот, кто первым облачился в латы, которые он и сам теперь носил, – ни секунды не раздумывая, вонзил бы в себя свой меч – тот, что висел теперь на боку Бонифация. Но сам комит этого достойного уважения выбора был лишен. Христианство считало самоубийство смертным грехом, как не переставал напоминать ему, возможно, догадываясь о терзаниях друга, Августин: жизнь его теперь мог забрать только Бог.

То, что его конфликт с имперским правительством удалось урегулировать, являлось для Бонифация слабым утешением. Произошло это во многом благодаря посредничеству Августина, друг которого, некто Дарий, человек, пользовавшийся определенным влиянием при дворе, инициировал тщательное расследование причин, побудивших Платидию ото-

звать Бонифация и подтолкнувших комита Африки к открытому неповиновению императрице-матери. В силу того, что Аэций какое-то время отсутствовал в Галлии, следственной комиссии удалось убедить Платидию выдать те его письма к ней, в которых полководец оговаривал Бонифация, и сравнить их с письмами Аэция самому Бонифацию. После того как было выявлено вероломство Аэция, Платидия и Бонифаций уладили свою ссору.

Предательство Аэция глубоко потрясло и расстроило Бонифация. Он верил полководцу как другу, надеялся на то, что вместе им удастся восстановить былое могущество Рима на Западе. Объединив усилия мощных военных группировок, расквартированных в Италии и Африке, они, безусловно, смогли бы обуздать либо же – в случае необходимости – сокрушить варваров в Галлии и Испании, а затем и вернуть Римской империи прежние, пролежавшие у берегов Рейна и Данубия, границы. Такое римская история уже знавала: полтора века тому назад Аврелиан смог добиться подобного в обстоятельствах более чем безнадежных. Что ж, обреченно вздохнул Бонифаций, видно, этой прекрасной во всех отношениях мечте сбыться уже не суждено. Но что будет с Римом?

Августин слабо пошевелился на своем ложе, вырвав Бонифация из печальных раздумий. – Свет тускнеет – становится темнее, гораздо темнее. Я едва тебя вижу.

Устремившись к постели, Бонифаций упал на колени и схватил Августина за руку.

– Не скрывай от меня правду, друг мой, – прошептал епископ. – Скажи мне, это – конец?

– Не конец, Аврелий, – проговорил комит, с трудом сдерживая рыдания, – блистательное начало. Скоро ты будешь с Христом и его ангелами.

Так они и оставались, держа друг друга за руки – непокорный солдат и праведный ученый, – до тех пор, пока, немногим позднее, епископ не испустил дух.

«Жаль, что моему дорогому другу суждено было уйти из жизни именно сейчас», – подумал Бонифаций, смахивая слезу. Осада города, длящаяся уже почти три месяца, вскоре будет снята; из Италии вот-вот выйдет подкрепление, должен подойти сюда и Аспар с его Восточной армией – тот самый Аспар, который помешал Аэцию усадить на западный престол Иоанна. Гейзериху и его дикарям придется отсюда убраться. Возможно, будущее Запада будет не таким уж и мрачным.

* * *

Римская армия выстроилась на небольшой возвышенности, протянувшейся к востоку от Гиппона. Войско, составленное из крепких контингентов обеих империй и дополненное остатками африканской армии Бонифация, выглядело мощным и отважным. В центре стояла пехота (некоторые из старых легионов все так же гордо демонстрировали свои орлы и знамена), ряды ее были расширены за счет германских наемников; основная же часть войска состояла из новых малочисленных подразделений, *auxilia* и *cunei*, причем последние представляли собой атакующие колонны, в задачу которых входило прорвать фронт противника. Справа и слева (то есть к северу и югу) от центра расположилась конница: Аспар с его испытанными в боях восточными солдатами – справа, итальянцы – слева. (Для полного счастья не хватало лишь галльской конницы Аэция.)

Напротив римских позиций, на холме примерно в трех километрах к югу от города, собирали свое войско вандалы. Беспорядочные толпы одетых в брюки воинов вооружены были лишь копьями и метательными дротиками, а из защитного снаряжения имели при себе только круглые щиты с железными бобышками. Некоторые – по всей видимости, богачи или вожаки кланов – носили мечи; попадались среди них и всадники, но таковых можно было пересчитать по пальцам.

Плодородные холмы, распростершиеся между готовыми сойтись в решающей схватке противниками, являли собой идиллическое зрелище. Виноградники и поля, засеянные овсом и

пшеницей, дубовые и кедровые рощи – вот что окружало небольшой чистый город, в громадной гавани которого нашли пристанище оба имперских флота. Вдали, вдоль южного горизонта, растянулись казавшиеся голубыми Малые Атласские горы, предгорья которых были отмечены длинным пунктиром лесных массивов. Между двумя армиями (ближе к римлянам) протекал Себус, берега которого были усеяны деревьями и кустарниками.

Окруженный старшими офицерами, префектами легионов и *praepositi* – командирами небольших подразделений, Бонифаций обзирал место предстоящего сражения. Как на главнокомандующем объединенной группировкой войск, на нем лежала ответственность по разработке такого плана ведения боя, который гарантировал бы римлянам полную победу над зарвавшимися вандалами. Впервые за долгие месяцы полководец выглядел энергичным и излучал непоколебимую уверенность в триумфе. Как и всем варварам, вандалам не доставало умения и терпения для того, чтобы взять город в плотное кольцо и держать его в осаде на протяжении продолжительного периода времени. Да, вандалы были храбры и отважны, но при этом чрезвычайно недисциплинированы, и знали лишь одну тактику – оголтелое наступление. Удастся нам отразить их первый натиск, говорил себе Бонифаций, и победа, в принципе, уже обеспечена, так как в случае рукопашной вандалы без шлемов и лат окажутся крайне уязвимыми. Их король – вот единственный спланирующий и направляющий это племя фактор. Бесстрашный воин и искусный правитель – как правило, функции эти редко сочетались у германских королей, – Гейзерих вселял в своих воинов благоговейное уважение, заставлявшее их слушаться своего вождя беспрекословно. И шло оно не от страха – такая эмоция вандалам, как и прочим германцам, была просто незнакома. Племя во всем повиновалось своему предводителю лишь до тех пор, пока принятые им решения приводили к победам; случись ему где-то ошибиться – и его место тут же занимал другой.

Разглядывая стоящую на дальнем холме вражескую армию, Бонифаций чувствовал, как постепенно растет его уверенность в своей победе. Численно римляне превосходили вандалов в разы. Тянуть время – вот и все, что ему нужно было делать. Его отлично вымуштрованные войска могли держать боевой строй бесконечно долго. Германцы же, по натуре своей, были людьми совсем иного толка; уже вскоре они станут проявлять беспокойство и нетерпение, и даже Гейзерих с его железной волей не сможет их удержать. Не пройдет и пары часов, как, сорвавшись со своих позиций, они попытаются вклиниться в передние ряды римской армии.

Повернувшись к командующему восточной армией, Бонифаций улыбнулся.

– Ну, Аспар, думаю, на этот раз победа будет за нами.

– Возможно. В любом случае, нам следует быть крайне осторожными, господин. Гейзерих – тот еще хитрец. Что-то мне подсказывает, что какой-нибудь неожиданный ход он для нас наверняка уж приготовил.

Подозрения Аспара подтвердились уже через несколько минут, когда к группе офицеров подлетел на взмыленном коне один из разведчиков.

– Господин, вандалы в лесу, – тяжело дыша, он указал на небольшую сосновую рощу, растянувшуюся вдоль дальнего берега реки. – Хорошо замаскированы. Я спешился и подошел так близко, как только смог. Пересчитать их, господин, мне не удалось, но, с виду, их там не так уж и мало. Мне удалось уйти незамеченным – в этом я уверен.

Эйфория, едва не вскружившая кому-то голову, мгновенно улетучилась. Если разведчик был прав, ситуация выглядела уже не столь однозначной. Если он станет придерживаться своего плана и ждать атаки германцев, то попадет между двух огней – вандалы, расположившиеся на холме, нападут спереди, а те, что в лесу, ударят с фланга. Если же он возьмет инициативу в свои руки и сам перейдет в наступление, засевшие в лесу успеют присоединиться к своим товарищам еще до того, как он сумеет их отсечь, а объединенные силы противника вполне могут навязать римлянам ожесточенный бой.

Внезапно Бонифаций почувствовал себя вконец истощенным и обессиленным. Он знал, что должен принять решение – и быстро, – но мозг его никак не хотел включаться в работу на полную мощность. Ужасное чувство вины, терзавшее полководца с тех самых пор, как призванные им на помощь вандалы расползлись по Африке, грабя и опустошая города и деревни, депрессия, накатившая на него после смерти дорогого друга, Августина, – вместе они разьедали его веру в себя, разрушали его волю. Все еще пребывая в мрачных раздумьях, Бонифаций заметил, что Аспар пытается ему что-то объяснить, и, сделав над собой усилие, обратился во внимание.

– Господин, – настойчиво повторил Аспар, – разве вы не видите? Мы можем этим воспользоваться. Разделив войско, Гейзерих допустил ошибку. Предположим, нашего разведчика вандалы не видели. Что это значит? Да то, что Гейзерих и не подозревает о том, что мы раскрыли его диспозиции. Если наша лучшая конница зайдет к залегшим в лесу вандалам с тыла, мы сможем их оттуда выкурить. Если наши парни продвинулись вдоль реки, они будут скрыты деревьями и застигнут неприятеля врасплох, а когда уж вандалы окажутся на ровной местности, наши всадники без труда их перебьют. Реки не видно из-за небольшого склона, поэтому стоящее на холме войско противника не сразу поймет, что происходит, а когда поймет, будет уже слишком поздно. А с теми мы уж как-нибудь справимся. Потеряв половину своей армии, они будут уже не в силах что-либо предпринять. – Аспар взял паузу, ожидая реакции комита. Когда же ее не последовало, он почти закричал: – Это сработает, господин, непременно сработает, только мы не должны ждать – неужели вы не понимаете? Умоляю вас, господин, отдайте приказ! – С этими словами он протянул полководцу собственный диптих – пару соединенных петлями вошечных дощечек, используемых полевыми командирами для передачи донесений.

План Аспара дерзок, прост и вполне выполним, признался себе Бонифаций. Но его смущала мысль о том, что придется оголить центр, оставив головное войско без лучших сил конницы, пусть даже и на непродолжительный период времени. Он уже открыл рот для того, чтобы позвать к себе всадников, которые бы передали нужные указания, но так и не смог вымолвить ни слова. Страх и нерешительность сковали Бонифация, и подходящий момент был упущен.

Ошибочно приняв молчание полководца за неуважение, Аспар пришел в ярость:

– Понимаю. Раз уж я алан – а значит, тот же варвар, – то моим мнением можно и пренебречь! – Его утонченные, изысканные черты лица – а в жилах представителей его расы всегда текла персидская кровь – потемнели от гнева. – Что ж, сражайся с Гейзерихом один, римлянин. Вы стоите друг друга. – Пришпорив коня, Аспар умчался туда, где стояла восточная конница.

Оцепенев от ужаса – какой приходит в кошмарных снах, когда безопасность твоя зависит от быстроты реакции, а конечности отказываются тебе повиноваться, – Бонифаций взирал на то, как вандалы спускаются по своему холму и карабкаются на тот, где стоял римский фронт. Оглушающе брякнули мечи и копья, когда две армии сошлись лицом к лицу. Та дикость и свирепость, с которой ринулись в бой германцы, заставила римлян покачнуться и отойти на пару шагов назад. Линия их дрогнула, но выстояла, и уже через несколько секунд ряды их выровнялись вновь. Защищенные латами, дисциплинированные, превратившиеся за долгие годы муштры и тренировок в мощную, сплоченную боевую машину, римляне постепенно начали теснить вандалов назад. Германцы, сражавшиеся на римских флангах, ни в чем не уступали самим римлянам. В отличие от ненадежных федератов, целыми племенами поселившихся на территории империи в обмен на обещание защищать – если то будет необходимо – Рим под предводительством собственных вождей, германцы пополняли ряды римской армии, руководствуясь личным выбором, на правах рекрутов-добровольцев, и давали Риму лучших и самых отважных его солдат. Присягнув империи на верность, они никогда не изменяли данному слову, пусть им даже и приходилось сражаться против таких же, как и они сами, германцев.

Внезапно, когда уже казалось, что римлянам вот-вот удастся дожать противника, их правый фланг начал сыпаться на мелкие, разрозненные группки солдат – то выскочили из леса сидевшие там в засаде вандалы. Дестабилизирующая шоковая волна прошла по всему римскому войску. Сплоченные ряды распались; одни замирали в нерешительности, другие налетали на первых и уже не в состоянии были как следует держать мечи и выставлять копья. Никаких указаний от командира не поступало, и римская армия впала сначала в ступор, а затем и в самую настоящую панику. С диким боевым кличем, который, казалось, придавал им сверхчеловеческую силу, вандалы ринулись в атаку; их выставленные вперед копья зачастую пробивали даже самые прочные доспехи. Словно оставленные у огня восковые фигурки, теряли свою стройность римские ряды, один за другим. В считанные мгновения еще недавно выглядевшая крепкой и неуязвимой армия рассыпалась на части, превратившись в бегущую толпу, задавшуюся одной-единственной целью: спастись любой ценой.

Конница преуспела в этом больше. Пеший воин всегда испытывает определенную робость перед конным противником; за счет мощи и скорости большинству римских всадников, в том числе и офицеров, удалось пробиться сквозь плотные, но неорганизованные ряды вандалов. Пехотинцы были не столь удачливы. Почти все они полегли на поле боя или же попали в плен; до стен Гиппона добралось столь малое их количество, что решено было, наряду с солдатами, забрать с собой, на отплывавшие к берегам Италии суда, и простых горожан. С великой тяжестью на сердце и слезами на глазах наблюдал стоявший на палубе своего корабля Бонифаций за тем, как медленно исчезало из виду африканское побережье. Всего за несколько месяцев он умудрился проиграть два сражения, потерять цвет римских армий и богатейшую часть Западной империи.

Глава 9

Если Бог, Отец и Сын, примет эту праведную просьбу, моя молитва может снова вернуть тебя мне.
Авсоний. Письмо Павлину. 390 г.

«Вилла Базилиана, Равенна, провинция Фламиния и Пицен, диоцез Италии [написал Тит в «*Liber Rufinorum*»]. Год консулов Басса и Антиоха, *pridie* сент. календ⁹.

В столице вовсю судачат о Аэции – он сейчас в Галлии; строят догадки насчет того, какими будут теперь его отношения с Платидией. Ситуация такова: из Африки вернулся Бонифаций, и вернувшись, не попал, как можно было предположить, в немилость за то, что обратился за помощью к вандалам и потерял диоцез, а даже стал своего рода триумфатором: Платидия приветствовала его как героя, возвела в ранг патриция, сделала главнокомандующим всеми римскими армиями и одарила всевозможными почестями! Можно ли было еще недавно в такое поверить? Аэция, напротив, при дворе чернят и поносят, называют главным виновником африканского поражения и уже объявили *persona non grata*. Поговаривают, именно он подтолкнул Бонифация к заключению альянса с вандалами, оговорив его перед Платидией. Так что я сейчас нахожусь в затруднительном положении: одно лишь то, что я вынужден слушать эти слухи, кажется мне предательством по отношению к Аэцию, который всегда был добр ко мне. С другой стороны, не обращать на них внимания – по крайней мере, до тех пор, пока не удостоверюсь, что они беспочвенны, – я тоже не могу: это было бы безответственно. Но вдруг эти обвинения окажутся обоснованными, что тогда? Смогу ли я, зная об этом, продолжить служение хозяину, чьи происки принесли Риму столько вреда? Возможно, обращение к моему новому Богу поможет мне определиться с тем, как жить дальше.

А пока что я занимаюсь тем, что, в соответствии с указаниями Аэция, остаюсь в нашем равеннском штабе и тщательно отслеживаю все изменения политической ситуации. По возвращении полководца из Галлии я должен представить полный отчет. Задание совсем не простое; если кто помнит, после злосчастного происшествия с курицами особой благосклонностью Платидии я не пользуюсь. А теперь, когда еще и Аэций не в фаворе, вход во дворец для меня и вовсе заказан, так что брожу пока по рынкам и винным лавкам – собираю обрывки сплетен, которые затем приходится анализировать и оценивать.

Если же говорить о личном, то здесь новости хорошие. Я стал отцом! Недавно Клотильда родила мальчика. При крещении мы нарекли его Марком – крепкий, улыбчивый ребенок. Пока что они с матерью живут у родных Клотильды, бургундов по национальности, в той части Восточной Галлии, которую им уступил узурпатор Иоанн (законный император, Гонорий, подтвердил затем их право на проживание там своим указом). Какое-то время – по крайней мере, до тех пор, пока я не буду в состоянии приобрести небольшой домик в Италии, – Марк будет воспитываться как германец. И я этому только рад. Вырастет сильным и здоровым, научится ценить преданность и отвагу – качества, которых нынешним римлянам как раз и не хватает. Потом, со временем, приобретет и знаменитый римский лоск. Стараюсь их навещать, когда выдается свободная минута, а это бывает – точнее, было до отъезда Аэция в Галлию – не так уж и редко. Полководец, конечно, человек жесткий и сложный, но скупым его я назвать не могу.

Беспокоюсь я насчет отца. На письма мои он не отвечает, но друзья семьи стараются держать меня в курсе. Бедный упрямец Гай! Похоже, он сильно сдал, да и материальное положение сейчас, судя по всему, уже не то, что было раньше. Здесь, правда, кроме самого себя, винить ему некого. Не выразал бы так демонстративно свою языческую позицию, сделал бы

⁹ 31 августа 431 г.

вид, что служит службу в соответствии с новыми, христианскими обычаями – глядишь, и власти закрыли бы на все глаза. Нет же, принципы для него – дело чести. Вот так и вышло, что на старости лет Гая оштрафовали и лишили гражданского статуса декуриона и армейской пенсии. Живет теперь за счет великодушия друзей и доброты местных *coloni*. Если бы я только знал, как положить конец нашей бессмысленной ссоре!»

Мрак и прохлада царили в большом равеннском соборе, где пытался собраться с мыслями Тит. Он не отрывал глаз от большой, лишь недавно законченной мозаики, на которой возведенный на трон Христос вершил суд Божий, выявляя праведников и грешников. Казалось Титу, что Спаситель тоже смотрит на него, смотрит спокойным взглядом, полным не только любви и сострадания, но и безжалостной решимости, взглядом внушающего страх судьбы. В молитве растворил перед ним Тит дверцы своего сердца, в безмолвной речи поведав о своей дилемме. Не помогло; не возникло у Тита ощущения заботливого, слушающего Присутствия. Возможно, образ на стене, сложенный из крошечных кусочков стекла и камня, был всего лишь образом. Возможно, в конце концов, не воскрес еще Христос, оставаясь лишь грудой рассыпавшихся костей, покоившихся в забытом гробу в Палестине. Тит продолжал молиться, но появившееся у него в какой-то момент чувство, что молитва напрасна, уже не покидало его.

Человека в плаще с капюшоном, некоторое время наблюдавшего за ним из-за колонны, а затем бесшумно выскользнувшего из храма, он не заметил.

Опустошенным и унылым покидал Тит собор. Увидев, какими длинными стали тени, он удивился; попытки обратиться к Богу заняли гораздо больше времени, чем он планировал. «Следует поторапливаться, – подумал юноша, – городские ворота скоро закроются, а лошадь моя осталась в платной конюшне, снаружи, у крепостной стены». И тут, уже ускорив шаг, Тит заметил одноногого нищего, сидевшего на каменной мостовой у больших двойных дверей собора; за спиной его виднелся грубо вырезанный из дерева костыль, на земле стояли оловянная миска и воцеленная табличка, на которой было начертано: «*Проксимон, солдат, потерял ногу в африканскую кампанию*».

Тит всегда с симпатией относился к бывшим солдатам, после службы попадавшим, как правило, в затруднительное положение – нередко случалось, что коррумпированные чиновники тянули с выплатой назначенных им пенсий, а то и вовсе пытались их прикарманить.

– Какие войска? – поинтересовался он.

– Африканская конница, – гордо ответил нищий, – а перед этим – Двадцатый легион; раньше он назывался «Валерия Виктрикс» и стоял в Кастра Дева, в Британии, на протяжении почти сорока лет. – Он указал на обрубок ноги. – Недавно отрезали, после битвы с вандалами. Вот уж бойня была – всем бойням бойня.

Позабыв о времени, Тит принялся расспрашивать инвалида о деталях – вдруг удастся узнать что-то новое.

– Все шло неплохо, пока вандалы не атаковали нас с фланга. И тут наш полководец, комит Бонифаций, словно застыл на месте. Вот так, без приказов, никто не знал, что делать – начался хаос. В конце мы дрогнули, побежали, и вандалы давили нас, как крыс. То, что так все случилось, меня не удивило. Бонифаций, бедняга, был сам не свой после того, как из Испании пришли вандалы – не мог себе простить, что обратился к ним за помощью. Видели бы вы его раньше, господин! Настоящий солдат! Свевы, готы, мавры – кого только под его руководством мы не били!

– Говоришь, он обратился к вандалам за помощью? Против кого же он хотел выступить? Ветеран недоверчиво покачал головой.

– В какой же империи вы живете, господин? Известное дело, против кого, – против имперской римской армии, конечно. Я думал, все об этом знают. Но Бонифация тут винить не в чем. Если кто и виноват, то это – полководец Аэций, настроивший императрицу против Бони-

фация. Вот она и прислала за ним, потребовала, чтобы возвращался, а он покидать Африку не пожелал. Не могу сказать, что виню его за это.

У Тита голова пошла кругом. Придворным слухам он старался не доверять; как правило, на девять десятых то всегда была пустая болтовня. К рассказам же солдат он относился совершенно иначе – возможно потому, что в них звучали реальные факты: вознаграждение, провизии, невзгоды и лишения, смерть. Словам Проксимона, прямым и безжалостным, он склонен был верить.

Тит полез в мешочек, где хранил монеты, – за подаянием. У него все еще оставалась треть той суммы, которую Аэций вручил ему на покрытие расходов его африканской миссии. Когда он попытался вернуть полководцу излишек, Аэций лишь рассмеялся: «Ради бога, оставь себе. Ты слишком честен, Тит. Запомни первое правило пребывания в армии или на гражданской службе: "Всегда заявляй двойные требования и никогда не возвращай того, на что не имеешь права"». Но Тит так и не смог потратить деньги, которые, по его мнению, достались ему незаслуженно, поэтому изрядная толика монет все еще звенела у него за пазухой. Сейчас же юноша чувствовал, что имеет полное право расстаться хотя бы с малой их долей.

– Да благословит вас Господь, господин. Вполне хватило бы нескольких *nummi*, – произнес потрясенный Проксимон, когда Тит протянул ему *solidus* – двухмесячный заработок мелкого ремесленника.

– Тебе не за что меня благодарить, Проксимон. Ты и не знаешь, как помог мне. – Пожелав ветерану всего хорошего, Тит нырнул в узкую аллею – то был кратчайший путь до Авреанских ворот.

Не успел он сделать и нескольких шагов, как почувствовал, как что-то обхватило его шею и в ту же секунду утянуло в вечернюю мглу. Руками Тит нащупал толстую веревку, сжимавшую его горло все сильнее и сильнее; в глазах у него помутилось, и он начал задыхаться. Попытался применить пару-тройку приемов из тех, что разучивал в детстве с бойцом-невольником – не помогло; душивший его незнакомец был силен и крепок. «Все, я – труп, – в отчаянии подумал Тит, – мне с ним никогда не справиться».

Вдруг он услышал, как что-то просвистело в воздухе, и – о чудо! – давление на горло ослабло. Закашлявшись, Тит упал на колени. Обернувшись, он увидел прислонившегося к стене Проксимона; на мостовой, между ними, неестественно скрючившись, лежал человек в темном плаще, из виска у него тонкой струйкой сочилась кровь.

– Мертв, господин, – Проксимон помахал костью, который держал за основание. – Если как следует раскрутить, бьет не хуже кузнечного молота. Хорошо, я заметил, что вы пошли этой дорогой. Когда вдруг вас не стало видно, заподозрил неладное и решил проверить.

– Слава богу, что ты здесь оказался, – произнес Тит, потирая шею. Ноги его еще держали плохо, но самое главное – он был жив.

– Воришка. Наверное, видел, как вы доставали деньги. Сами знаете, какие сейчас времена – всегда нужно быть начеку.

«Нет, – подумал Тит, – не воришка. Это Плацидия, горевшая желанием поквитаться за унижение сына, послала одного из своих подручных по моему следу, приказав при первой же возможности убить. Пока Аэций в Галлии, мне следует быть как никогда бдительным».

Удостоверившись в том, что свидетелей убийства не было, они привязали к трупу громадный булыжник, а затем сбросили тело в один из многочисленных равеннских каналов. Отдав же своему спасителю мешочек с монетами, Тит решил и другую мучившую его проблему. Теперь старому солдату больше не нужно было побираться; на полученные деньги он вполне мог открыть собственное дело. «Не самое большое вознаграждение за спасенную жизнь», – оборвал Тит бросившегося его благодарить Проксимона.

У ворот он оказался перед самым их закрытием. Пустив лошадь быстрым галопом по дороге, ведшей к вилле Аэция, Тит задумался о происшедшем с ним за день. Два обстоятель-

ства терзали его душу. Что то было – случай или же судьба, – то, что позволило состояться его встрече с Проксимоном, встрече, которая подтвердила имевшиеся у него подозрения в отношении Аэция и закончилась его чудесным спасением? И потом, легион, в котором служил старый вояка, назывался «Валерия Виктрикс». Валерия – Валерий: такое имя носил род, из которого происходил его отец. Следует ли из этого, что он должен обратиться за советом о том, как ему быть дальше, к отцу? Многовековая языческая семейная традиция – в действительности всего лишь вежливый скептицизм, помноженный на стоические принципы, – давила на Тита, советуя отбросить столь абсурдные мысли. И все же часть его, новая христианская часть, настаивала на том, что встреча с Проксимоном произошла совсем не случайно.

Может быть, его молитвы в соборе не остались без ответа и Господь все-таки соизволил подать ему знак?

Глава 10

Твое [Рима] могущество ощущается даже на самом дальнем краю света.

Рутилий Намациан. О моем возвращении. 416 г.

«Написано на вилле Фортуната, провинция Эмилия, диоцез Италии, в год консулов Басса и Антиоха, сент. календы¹⁰. Гай Валерий Руфин, некогда легат Первого легиона, бывший декурион Тремерата, приветствует своего друга Магна Аниция Феликса, некогда трибуна Первого легиона, сенатора.

Магн, дорогой мой старый друг, потеряв много лет назад связь с тобой, рад был услышать (от общих знакомых), что ты пребываешь в добром здравии и проживаешь в своем родовом имении в Аквитании – теперь, увы, занятой визиготами. Прими по этому поводу мои соболезнования: жить в одной провинции со смердящими дикарями вряд ли приятно. Ты обязательно должен приехать ко мне в гости, хотя, боюсь, мое гостеприимство покажется тебе слегка банальным – я сейчас испытываю некоторые материальные затруднения. Не буду утомлять тебя подробностями; скажу лишь, что власти не сошлись со мной кое в каких вопросах, в результате чего я для них теперь – *persona non grata*. Тем не менее, погреб мой еще не совсем опустел; посидели бы, вспомнили бы былые кампании, а чаша-другая фалернского освежила бы нашу память.

Помнишь, как тридцать семь лет тому назад, в один из первых сентябрьских вечеров, гадали мы, сидя в палатке у реки Фригид, отзовет ли Феодосий войска?..»

* * *

Обходя получивших передышку легионеров, подбадривая то одного, то другого раненого солдата, Гай Валерий Руфин, легат Первого легиона, внимательно наблюдал за тем, как вдаль, в нижней части долины, располагалась лагерь на ночь армия Арбогаста. Вдоль северного горизонта тянулась цепочка низких холмов, предвестников Юлианских Альп; белой лентой сквозь них прорывалась дорога на Аквинк. На стороне противника наряды солдат рыли длинные траншеи, по которым уносили с поля боя тела убитых, коими была усыпана вся долина. Феодосий тоже потерял немало бойцов; в основном то были воины Алариха, что лишний раз подтверждало обоснованность претензий готов, открыто выразивших недовольство тем, что, когда доходило до настоящей битвы, римляне предпочитали проливать кровь своих союзников-федератов, нежели собственную.

Арбогаст, командующий войсками Западной империи, франк по национальности, предательски убил юного западного императора Валентиниана II и усадил на вакантный трон своего друга Евгения. Эта последняя, на тот момент, из казавшейся бесконечной серии попыток узурпации власти, сотрясла империю до основания. Но претензии германца (желавшего править через христианина Евгения) на власть – тот, в чьих жилах текла тевтонская кровь, не мог примерить пурпур императора – поставил под вопрос восточный император Феодосий. Сопер-

¹⁰ 1 сентября 431 г.

ничающие армии сошлись лицом к лицу у реки Фригид, там, где, обогнув холмы, выходит к Аквилее дорога из Паннонии.

Первые дни сражения выдались чрезвычайно кровавыми, но победителя не выявили, хотя перевес, пожалуй, был на стороне Арбогаста – даже несмотря на то, что один из его полководцев дезертировал к Феодосию.

– Плохо дело, господин, – заметил один из находившихся в подчинении Гая офицеров, молодой трибун, происходивший из знатного римского рода Анициев. – На месте Феодосия я бы, под покровом ночи, отвел войска для перегруппировки к следующей битве.

– Здравая мысль, – неохотно признал Гай. – Только ничего такой отход не изменит. Пока жив этот змееныш Арбогаст... – Он не договорил, внезапно насторожившись. – Чувствуешь, Магн – дуновение ветра?

– Похоже на то, господин... Точно – холодный бриз, со стороны холмов.

– Это *bora!* – вскричал Гай.

– *Bora*, господин?

– Сезонный северный ветер, который налетает с ужасной силой, и как раз в это время года, – разрушает строения, с корнем вырывает деревья; градины – с воробьиные яйца. По опыту знаю: попали под него шесть лет назад, и именно в этих местах – когда шли свергать узурпатора Максима... Завтра будет настоящий ураган, и дуть он будет прямо в лицо противнику. Скачи к Феодосию, Магн, и передай императору то, что я тебе поведал.

Переважив полученную информацию, Феодосий, уже собиравшийся командовать отступление, остался на прежних позициях. Все случилось так, как и предсказывал Гай Валерий, и на следующий день Феодосий торжествовал победу. Евгений был взят в плен и впоследствии казнен, Арбогаст счел за благо покончить жизнь самоубийством, Феодосий взошел на престол воссоединенной империи. А Гай Валерий Руфин обзавелся неофициальным агномеп, прозвищем, данным ему офицерами Первого легиона: «Боран».

* * *

«...По наивности своей, Магн, мы полагали, что великая победа Феодосия ознаменует собой новую эру, эру мира, стабильности и процветания. Как же мы ошибались! Уже на следующий год могущественного императора не стало, а с его смертью рассыпались и наши надежды, так как Западная империя дрогнула под бешеным натиском варваров: в ужасных Пунических войнах мы потеряли половину всех наших армий; полчища германских племен обосновались на нашей земле, перейдя Рейн; а теперь еще и Африка оказалась в руках вандалов.

Но и эти беды мы переживем. Рим еще рано хоронить! Уверен, нас ждут еще более великие победы. Говорит ведь о нем Рутилий:

Забыв тебя, никто вовек не обретет покоя;
Превозносить тебя не устаю и в пасмурные дни.
Числом своим триумфы Рима не уступают
Звезд россыпи на лунном небе¹¹.

Я разделяю убеждение Симмаха, что и дальше наша империя должна стремиться к завоеванию новых территорий, так как у меня нет сомнений

¹¹ Пер. переводчика.

в том, что именно Риму предопределено судьбой дать остальному миру возможность разделить с нами блага цивилизации. Но для того чтобы *ordo renascendi* – возрождение Рима – состоялось, должны произойти две вещи. Запад должен очиститься от германцев, этих невежественных варваров, которые никогда не смогут прижиться в Риме. И, второе, мы должны вернуть культ прежних богов. Мы не должны забывать, что все нынешние беды Рима начались тогда, когда были закрыты храмы, а из сената убрали Алтарь Победы. Кроме того, принуждая людей думать, в первую очередь о загробной жизни, христианство заставляет их забыть главное свое обязательство – защищать и оберегать империю.

С божьей помощью мне удалось сохранить мою библиотеку, и я еще пока не столь стеснен в средствах, чтобы не купить, при случае, понравившуюся книгу. Предпочитаю старых авторов (неудивительно, наверное, подумал ты, читая эти строки!): Цезаря, Саллюстия, Тацита *et. al.*, но не отрицаю, что и сегодня есть такие, с кем стоит ознакомиться: Авсоний, Аммиан Марцеллин, Клавдий Клавдиан, Рутилий Намациан (об уныло разглагольствующих Иерониме, Августине и прочей христианской братии мне сказать нечего.)

Вот как, Магн, друг мой старинный, я провожу, если не считать ежедневные ковыряния в огороде, свой *otium* – так, наверное, жил бы в наши дни обнищавший Гораций. Если бы ты только знал, как не хватает присутствия рядом родственной души! Передаю сие послание с другом, у которого есть кое-какие дела в Арелате. Он великодушно предложил завезти его тебе в Толозу (хотя для этого ему и придется преодолеть несколько сотен лишних миль¹²), предположив, что римлянина визиготы задерживать не станут, и, надеюсь, вернется уже с твоим ответом. Прощай».

* * *

«Написано в Толозе, визиготском поселении в Аквитании, в год консулов Басса и Антиоха, V окт. календы. Магн Аниций Феликс, некогда трибун Первого легиона, сенатор приветствует Гая Валерия Руфина “Борана”, некогда легата Первого легиона, декуриона.

Честно признаюсь: твое письмо стало для меня большой неожиданностью, но неожиданностью приятной, хотя я и сильно расстроился, узнав, что Фортуна тебе не благоволит. Какими бы ни были твои разногласия с властями, не могу поверить, что они могли подвергнуть гонениям человека, столь много сделавшего для нашего государства. У меня – хоть и проживаю я сейчас вне сферы римской юрисдикции – осталось много друзей в сенате (членом которого я по-прежнему номинально являюсь), и я охотно напишу им от твоего лица. Твой старый трибун почтет за честь протянуть тебе руку помощи в столь нелегкое для тебя время.

Здесь все обстоит не так страшно, как ты это себе представляешь. Не успел я, уйдя с армейской службы, поселиться в родовом имении в Аквитании, как эти территории захватили готы. Тем более приятно я был удивлен, обнаружив, что новые хозяева – далеко не те неотесанные дикари, какими мы, римские галлы, их себе представляли; в большинстве случаев это люди

¹² Римская миля равнялась примерно 1,5 км. (Примеч. ред.)

обходительные и справедливые во всех своих деловых с нами отношениях. Что касается лично меня, то за реквизированную у меня виллу я получил от вселившегося в нее гота, человека, по их понятиям, знатного и состоятельного, вполне разумную сумму, хотя он мог выгнать меня из дома вообще без компенсации. Полагаю, за то довольно уже длительное время, что они живут на территории Римской империи, получив к тому же гарантированное на это право, они вполне здесь ассимилировались. Многие из их вождей носят римские одежды; они переняли наши манеры и хотят, чтобы их сыновья изучали латынь. Мне это очень подходит: обманным путем я втерся в доверие к Теодориду и теперь вбиваю *amo, amas, amat* в белокурые головы юных придворных готов.

Скажу больше: король Теодорид крайне ко мне благоволит. Когда король обнаружил, что из всего его окружения лишь я один умею играть в *tabula* (которую он обожает), радость его не знала предела. Так что теперь, по нескольку раз в неделю, мы с ним обязательно садимся за стол – я всегда проявляю осмотрительность и проигрываю. Этой хитрости, Гай Валерий, я научился у тебя, человека, в совершенстве владевшего искусством обращения с людьми и лошадьми. “Всегда води дружбу с жожаком”, – любил повторять ты. Дельный совет. А на досуге подумай над тем, что мне как-то сказал этот “варвар”, Теодорид: “Способный гот желает во всем походить на римлянина, и только бедный римлянин хочет быть похожим на гота”. Принимая во внимание все обстоятельства, скажу откровенно: живу я не так уж и плохо. По крайней мере, намного лучше большинства жителей Римской Галлии, доведенных сборщиками налогов до полной нищеты.

Ты бы удивился, увидев каким “римским” все осталось в Аквитании. Когда прошел первый шок от осознания того, что теперь мы должны привыкать к чужим правилам, возбуждение улеглось, и теперь римляне и готы живут в относительной гармонии. И это несмотря на то, что римляне, как правило, предпочитают смотреть свысока на своих “гостей”, необразованных, по их мнению, хамов и невежд. Готы, которые составляют лишь малую часть от общего населения, живут по своим собственным законам, позволяя нам придерживаться наших. Торговля как шла, так и идет, единственно – в меньших объемах; мозаичные мастерские процветают, гончары из Бурдигалы – так те, наверное, просто озолотились (к сожалению), – все рынки завалены их отвратительными серо-оранжевыми горшками.

Несмотря на то что многие, как правило, небольшие имения – в том числе, увы, и мое – были конфискованы, крупные, укрепленные виллы готы не тронули (и поступили мудро). Видел бы ты Бург, огромное поместье Понтия Леонтия, главы одной из знатнейших аквитанских фамилий. Купальни, собственные водные источники, великолепная мозаика, даже своя часовня с фресками, на которых изображены сцены из Книги Бытия. Всяк в Аквитании, кто считает себя важным – в том числе и готы, – на все бы пошел ради возможности побывать в гостях у Леонтия. Так что видишь, Гай, добрый старый римский снобизм жив – да как жив! – и здесь.

Ну а теперь, мой старей и высокоуважаемый легат, позволь мне выразить свое мнение по поводу некоторых вопросов, поднятых тобой в письме. Отлично понимаю, что, сказав то, что я собираюсь сказать, я рискую навсегда разрушить ту *amicitia* – какая бы она ни была, – которая между нами существует. Двигут мной лишь глубокое уважение, которое я к тебе питаю, и

забота о твоём благополучии. Если это звучит бесцеремонно из уст человека, служившего когда-то у тебя в подчинении, приношу свои извинения. Просто помню твой совет молодым трибунам, докладывающим о боевой ситуации: “Говорите то, что есть, а не то, что, как вы думаете, я хотел бы услышать”. Этим принципом я и постараюсь руководствоваться.

Первое. Что касается твоих чувств по отношению к германцам и твоих слов о том, что мы должны от них избавиться. Как ты себе представляешь проведение подобной политики – даже если предположить, что она желательна? Репатриировать их? Истребить? Очевидно ведь, что римское правительство на Западе слишком слабо для того, чтобы попытаться привести в исполнение любое из этих “решений”. Германцы пришли сюда для того, чтобы здесь остаться, и Риму лучше с этим примириться. Правильно будем с ними обходиться – империи будет только польза. Да, им не хватает утонченности манер, изысканности вкуса, зато они, за некоторыми исключениями, храбры и благородны; они восхищаются *Romanitas* и, если помочь им ассимилироваться, со временем – в этом я убежден – превратятся в образцовых римских граждан. А как ведет себя Рим по отношению к ним? Враждебно и оскорбительно. Браки между римлянами и германками запрещены; ношение мехов и брюк в Риме объявлено противозаконным; германцев считают еретиками только потому, что их арианская форма христианства немного отличается от нашей. Глупо и недалёковидно все это. Сейчас они хотят лишь одного – жить с нами в дружбе и согласии; мы же, при таком своем к ним отношении, добьемся того, что они станут опасными врагами. Я знаю, что говорю – все-таки живу среди германцев уже почти тринадцать лет.

Ты хочешь, чтобы Рим вернулся к старым богам, намекая на то, что отказавшись от них, мы навлекли их гнев, и набеги варваров – наказание нам за отступничество. Если это так, почему же они пощадили Восточную империю, где христиан, пожалуй, еще больше, чем на Западе? Как бы то ни было, пытаться возродить Пантеон уже поздно. Ты что, серьезно думаешь, что кто-то верит в Юпитера, Юнону и прочих? Помнишь, что вышло у Юлиана семьдесят лет тому назад? Правильно, ничего. Какова вероятность того, что что-то получится сейчас?

Ты говоришь, что веришь в возрождение Рима. Как бы мне хотелось, чтобы ты оказался прав! Но произойдет это лишь в том случае, если люди поймут для себя, откуда идут все их беды, и, вместо того чтобы искать от них спасения в утешительных иллюзиях, начнут предпринимать радикальные шаги, которые помогут справиться с этими невзгодами раз и навсегда. Тот, кто думает иначе, обманывает самого себя и уже за это заслуживает порицания. Что касается твоего заявления о том, что Риму следует подумать о присоединении новых территорий, в то время как мы и свои-то удержать не можем!.. Только тактичность, Гай, не позволяет мне высказать то, что я думаю... Скажу лишь, что такое убеждение тебя недостойно.

Ну вот и все – полагаю, свою позицию я выразил предельно четко. Боюсь только, что, объяснившись, я мог смертельно обидеть того, добрые отношения с кем значат для меня очень много.

Спасибо за приглашение. Если, после прочтения моего письма, ты по-прежнему рад будешь видеть меня у себя в гостях, ничто не доставит твоему бывшему трибуну большего удовольствия, чем поездка на виллу Фортуната.

Было бы неплохо поделиться воспоминаниями о битве у Фригида. Кстати, фалернское я не пил уже, наверное, тысячу лет. Здесь, увы, из напитков – лишь германское пиво да массильский уксус. Прощай.

Посылаю письмо с тем же человеком, что доставил твое».

Глава 11

На все языческие обычаи, как публичные, так и частные, налагается запрет.

Указ Феодосия I Флавия. 391 г.

Остановив лошадь у виллы Фортуната, Тит испытал самое настоящее потрясение. Входные ворота болтались на одной петле, почти всю растительность на полях задушили сорняки. Медленно ведя коня по поросшей травой тропинке, Тит заметил вдали маленькую фигуру человека, склонившегося над плугом, который тянули за собой два мула. Привязав лошадь к дереву, Тит направился к пахарю. На вид тому было лет восемьдесят; одет он был в грязную, рваную тунику, из-под которой выглядывали тощие ноги. Плуг останавливался всякий раз, как наткался на камень, и старику приходилось нагибаться и устранять помеху. Посадка его головы показалась Титу смутно знакомой... То был его отец – как и Цинциннат много веков назад, Гай сам вспахивал свою землю.

Тит подошел к выбившемуся из сил старику, мягко отнял от плуга его испещренные синими венами, избитые в кровь руки. Схватившись за валун, рывком вытащил его из земли.

Гай – щеки его покрывала трехдневная щетина – уставился на сына водянистыми глазами.

– Тит! – воскликнул он слабым голосом. – Я... я надеялся, что ты приедешь. Но...

– Но ты был слишком горд для того, чтобы просить меня об этом, – закончил за отца Тит. Сердце его, казалось, вот-вот готово было вырваться из груди. – Ох, отец, что мне с тобой делать? Иди же сюда. – Он протянул руки навстречу Гаю, и отец и сын крепко обнялись.

Когда они наконец отступили друг от друга на пару шагов, в глазах каждого предательски блестели слезы.

– Тебе придется самому ходить за мулами, – к горлу Тита подкатил комок. – Дай-ка я встану за рассоху; закончим борозду и пойдем домой. Мне о многом с тобой нужно переговорить.

* * *

– ... если так империя вознаграждает верных ее сынов, значит, что-то подгнило в сердце Рима, – сказал Руфин-старший. Рассказывая о невзгодах и лишениях, которые ему пришлось претерпеть со времени их последней встречи – а состоялась она почти восемь лет тому назад, – Гай Валерий лишь подтвердил все то, что Тит слышал от друзей семьи. Со смешанным чувством гнева и сожаления обвел он взглядом хорошо знакомый *tablinum*: свитки покрылись толстым слоем пыли, углы комнаты заросли паутиной. Слуг отец вынужден был продать, и всем домашним хозяйством теперь занималась одна-единственная вольноотпущенница. В столь стесненных обстоятельствах Гай вынужден был жить «благодаря» преследованиям недалеких местных чиновников, в частности – епископа и городского префекта.

– Я много размышлял над тем, что ты говорил о германцах, – продолжал Гай, – и решил, что, возможно, какое-то рациональное зерно в твоих словах и имеется. Похоже, они действительно обладают теми добродетелями, что были свойственны нашим предкам и которых так недостает большинству современных римлян. Как тебе, должно быть, известно, я по-прежнему веду переписку с узким кругом друзей из той курии, к которой и сам когда-то принадлежал. Один из них живет в Аквитании, той части Галлии, в которой поселились визиготы. Так вот, они его не выгнали, как можно было бы предположить, из дома без компенсации – нет: гот, занявший его виллу, выплатил моему товарищу немалую сумму денег. Многие бы из рим-

лян поступили так же в схожих обстоятельствах? И его случай, по всей видимости, отнюдь не единственный в своем роде. Наверное, его бог, Христос, которому и ты теперь поклоняешься, заслуживает большего почитания, чем все прежние римские боги. – Тут Гай ненадолго замолчал. Впервые на памяти Тита его отец выглядел таким смущенным. – А теперь, – продолжил Руфин-старший, – касательно твоей женитьбы на Клотильде: если еще не очень поздно, прими благословение и извинения глупого старика.

– Охотно, отец, – ответил Тит, ощутив прилив огромного облегчения и радости. – Вот только глупцом тебя я совсем не считаю, так что и ты себя таковым, пожалуйста, не называй. Вскоре, надеюсь, ты и сам сможешь увидеть своего внука.

– Выпьем за это, сынок. Если б ты только знал, как я этого желаю. – С этими словами старик наполнил их чаши фалернским, распечатав последнюю остававшуюся в его погребке амфору. – А насчет Аэция я тебе вот что скажу. – В голосе Гая зазвучали прежние стальные нотки, когда он встретился взглядом с сыном. – Заканчивай-ка свою ему службу. Из самых низменных побуждений он предал Рим, причинив империи непоправимый вред. Ты переживаешь, что, уйдя от него, нарушишь свое обещание? Не думай об этом: таким, кто поступает, как он, ты и не должен хранить верность. Ты должен быть предан Риму, а не человеку, стремящемуся к ослаблению нашего великого государства. Если же все-таки желаешь кому-то служить, то пусть это будет Бонифаций.

– Но Бонифаций позвал в империю вандалов. Несомненно...

– Да, и то была его огромная ошибка, – оборвал Тита отец. – Но он – человек благородный, и, ко всему прочему, желает все исправить. Когда-то, да будет тебе известно, он служил под моим началом – будучи еще совсем юным трибуном – и по праву считался одним из храбрейших и честнейших офицеров. Полагаю, если кому и по силам спасти Рим в это кризисное время, то лишь ему одному.

* * *

Скача к Тремерату, на базарах которого продавалась вся выращенная на вилле Фортуната продукция, Тит перебирал в голове предпринятые им в последние дни меры, направленные для наведения порядка в имении. Созвав общее собрание арендаторов земельных участков, *coloni*, он озвучил на нем радикальное предложение, предварительно обсужденное и согласованное с отцом. Заключалось оно в следующем: почему бы всем не объединиться и не начать вести хозяйство на египетский манер, – тогда бы каждый из совладельцев, в том числе и Гай, получал бы равную долю прибыли, а часть заработанных средств вкладывалась бы в общее дело. (Прежде, наняв нескольких *coloni*, Тит полностью отчистил и подновил имение, в том числе и подземную печь для отопления комнат, что оказалось занятием не из приятных.) План его был встречен с энтузиазмом, и, после выбора *conductor*, проще говоря – смотрящего, принят официально.

Теперь же, думал Тит, въезжая в город, самое время поквитаться с епископом. Тремерат, хотя и не считался городом в обычном понимании этого слова, имел, как и многие прочие небольшие поселения, собственную епархию. Во главе ее стоял епископ Пертинакс, не пользовавшийся уважением большинства *curiales*, или наиболее уважаемых граждан Тремерата, но, тем не менее, поставленный на это место епископом Медиолана в последние годы правления императора Гонория. Согласно заведенному обычаю – очень неудачному, – получив назначение, тот или иной епископ уже не мог быть переведен в другую епархию, поэтому жители Тремерата вынуждены были терпеть своего крайне непопулярного епископа. Пертинакс же, оказавшись человеком честолюбивым и энергичным, тотчас же решил взять под полный свой контроль это небольшое селение, которое, судя по всему, полагал глухим захолустьем. Озабочившись непременно проведенным в жизнь последних реформ Феодосия, епископ счел своим

призванием абсолютное искоренение язычества во всех его проявлениях и демонстрировал в этом излишнюю старательность – во многом, наверное, подумал Тит, из-за того, что считал свою карьеру несостоявшейся.

Предпринятая Пертинаксом кампания привела к тому, что все языческие обычаи – даже столь безобидные с виду поступки, как подношения старым богам, воскурение фимиама или украшение гирляндами – быстро исчезли; по крайней мере, люди перестали практиковать их в открытую. Все, за исключением Гая, на которого и пал гнев епископа. Привлек же Руфина-старшего к ответственности перед законом префект, добродушный неженка, когда-то называвший себя другом Гая, но вмиг забывший о добропорядочности, едва речь зашла о сохранности его собственной спокойной жизни.

Долгий стук Тита в дверь сторожевого домика, пристроенного к дворцу епископа, не остался не услышанным – не прошло и пары минут, как из него выскочил коренастый и мускулистый служка.

– Вам назначено? – спросил он после того, как Тит объяснил, что хотел бы повидаться с епископом.

– Просто скажите ему, что его хочет видеть сын легата Руфина.

– Сначала следует договориться о встрече, – с этими словами привратник попытался закрыть ворота.

Выкинув руку вперед, Тит схватил слугу за локоть и сильно на него надавил. От боли у привратника приоткрылся рот, лицо его побелело.

Оттолкнув его в сторону, Тит устремился по длинной галерее в направлении атрия; за ним, протестуя, семенил слуга. Донесшийся из-за закрытой двери громкий голос заставил Тита ускорить шаги:

– ... я б на твоём месте поставил свечку перед образом Сераписа. – Епископ говорил резко и отрывисто. – На сей раз ты отделался легким испугом. Продолжишь в том же духе – закончишь жизнь за решеткой.

Тит ворвался в комнату. Перед сидевшим за массивным дубовым столом богато одетым священнослужителем стоял, понуриив голову, пообтрепавшийся горожанин – судя по покрытой опилками тунике, плотник.

– Я пытался его остановить, ваша светлость, – промямлил привратник, – но он... – Обернувшись, Тит наградил слугу столь грозным взглядом, что тот счел за благо замолчать.

– Вон отсюда, – прошипел Тит. – Боюсь, вам тоже придется удалиться, – обратился он к ремесленнику. С округлившимися от изумления глазами тот выскочил за дверь вслед за привратником.

– Да что вы себе позволяете! – вскричал епископ; лицо его покраснело от гнева. – Будьте любезны объяснить причину столь возмутительного вторжения!

Пертинакс совсем не походил на того худощавого аскета с горящими глазами, коим представлял себе епископа Тит. То был полный, средних лет мужчина, одетый скорее на светский римский манер, нежели в простые церковные одежды.

– Знаете Гая Валерия Руфина, бывшего легата Первого легиона? Я – его сын.

– Если желаете переговорить со мной, договоритесь о встрече с моим нотарием. А теперь я просил бы вас уйти.

– Уйду, когда сочту это нужным, ты, жирный кусок сала, – пророкотал Тит. Шагнув вперед, он притянул к себе епископа за край дорогого далматика. – И произойдет это не ранее, чем ты ответишь на мои вопросы. Благодаря тебе мой отец вынужден жить в нищете. Я хочу, чтобы ты объяснил мне, в чем он провинился? – С этими словами Тит разжал пальцы, и епископ шумно опустился на стул.

Пертинакс нервно облизал губы – по всей видимости, его собеседник был настроен крайне решительно.

– Он... он сам во всем виноват. Я лишь исполнил свой долг – проследил за тем, как соблюдается закон. – Говоря это, епископ попытался дотянуться своей толстой рукой до уставленного на краю стола колокольчика, но, заметив, что гость внимательно следит за его манипуляциями, предпочел отказаться от своих намерений.

– Так вот в чем заключается твой долг? В преследовании беззащитного старика за поклонение старым богам? Это что – страшное преступление?

– Указ Августа Феодосия Первого, принятый двадцать четвертого февраля в тринадцатый год его правления, не имеет двойного прочтения. «На все языческие обычаи, как публичные, так и частные, налагается запрет». Что еще мне оставалось делать?

– Проявить хоть немного человечности и сострадания, вот что. Говорится же в Библии, что Иисусом двигало сострадание к людям, потому что были они подобны овцам, не имевшим пастыря. Хорош пастырь! Если в чем и виновен мой отец, то лишь в том, что не пожелал идти на поводу у мелких бюрократов. А тебе это не понравилось – верно? И ты решил преподать ему урок?

– Нарушители закона должны быть наказаны.

– От таких, как ты, меня тошнит! Прикрываетесь письменами для того, чтобы оправдать преследование тех, кто не в силах дать сдачи! Гай Валерий стоит дюжины тебе подобных. Он спасал Италию еще тогда, когда твой педагог за руку водил тебя в школу.

Тит оглядел богато обставленную, полную церковной утвари и дорогой металлической посуды комнату. Взгляд его остановился на прекрасной порфирной миниатюрной группе, на которой был изображен Орфей, играющий на лире для льва и волка.

– Не тронь! – в ужасе закричал епископ. – Она бесценна!

– А вещица-то языческая, – ответил Тит. – Кому как не тебе знать об этом. Хоп! – И миниатюра вдребезги разбилась об украшенный мозаикой пол. Тит же уже подходил к выстроившемуся на маленьком столике столовому серебру. – Так-так! Нехорошо! – изобразил он мнимый испуг, внимательно присмотревшись к одному из кубков. – Гляди-ка: Диана со своим луком, а вот и Аполлон. А это, должно быть, Венера? А это еще кто? Неужели прячущийся в кустах Купидон? – Зажав кубок в руке, Тит неодобрительно покачал головой. – Не стоило их здесь держать. – Не обращая никакого внимания на мольбы едва не плачущего Пертинакса, он продолжил обход комнаты, круша кубком резные фигурки, бросая на пол золотую и серебряную посуду – все, что хоть как-то несло в себе языческую мысль.

Закончив осмотр помещения, Тит подошел к укрывшемуся за столом Пертинаксу.

– Хорошо чувствовать себя хозяином положения, не правда ли? – Тит угрожающе склонился над съевшимся епископом. – А теперь слушай меня внимательно, жирный лицемер. Отныне ты оставишь моего отца в покое. Если я когда-нибудь узнаю, что ты причинил ему хоть малейшее неудобство, я вернусь, обещаю. И тогда вот это, – он обвел глазами разгромленную комнату, – покажется тебе лишь легкой забавой, вроде игры в *harpastum*, столь любимой посетителями терм. Ты все понял?

Епископ кивнул.

– Отлично. Рад, что нам в конце концов удалось достичь взаимопонимания. – В качестве прощального жеста Тит вылил на голову епископа содержимое стоявшего на столе кувшина и, круто повернувшись, вышел из комнаты.

В атрии он столкнулся с кучкой вооруженных палками слуг. Что-то, однако, во взгляде незнакомца и его манере держаться заставило их посторониться, и Тит покинул дворец без приключений.

Возвращаясь на отцовскую виллу, он, все же, уже не чувствовал прежнего воодушевления. Мысль о том, что теперь его ждут серьезные неприятности, не давала Титу покоя. Если он послушается совета отца касательно Аэция – а он уже решил, что так и сделает, – то лишится протекции самого влиятельного человека в Западной империи. Вдобавок к этому он и так уже

сумел настроить против себя императрицу. А ведь вскоре к ней должен присоединиться папа Целестин, чьим благосклонным влиянием, по слухам, пользуется Пертинакс. Ничего, Давиду удалось победить Голиафа при помощи одной лишь пращи, попытался успокоить себя Тит.

Глава 12

*Никогда не расценивай как полезное тебе нечто такое, что вынудит тебя когда-нибудь нарушить верность.
Марк Аврелий. Размышления. 170 г.*

«Мансио Феликс, недалеко от Арелата, Виеннская провинция, диоцез Семи провинций. Год консулов Басса и Антиоха, III окт. ноны¹³. [Здесь Тит сделал паузу, убрал прилепившийся к заостренному концу тростникового пера волос, а затем продолжил.] При свете угасающей масляной лампы я продолжаю вести семейный архив, сидя в маленькой комнате постоянного двора, почему-то названного “Счастливым”, убогой, неоправданно дорогой лачуги с безвкусной едой и несвежим бельем.

После состоявшегося у меня короткого “разговора”, я был абсолютно уверен, что епископ Пертинакс больше не будет тревожить моего отца, по крайней мере, в ближайшем будущем. И все же полагаться на судьбу я не стал. Больше, чем в чем-либо другом, Гай нуждался в заботе и хорошем отдыхе; когда я намекнул, что неплохо было бы с его стороны съездить повидать внука, он тотчас же на это согласился. Таким образом, я сопровождал его в расположенную между Базилией и Аргенторатом Стратисбургом бургундскую деревушку, где, в хозяйстве отца моей жены, жили Клотильда и Марк. К Клотильде Гай теперь относится, словно к дочери, а уж Марка он и вовсе обожает; за отцом моим нужен глаз да глаз, иначе он просто избалуется ребенка! Когда я уезжал, он со счастливым видом спорил с моим тестем о преимуществах римского вина и германского пива, которое, полагаю, втайне ему и самому очень нравится.

Из бургундского поселения в Верхней Германии я отправился в Арелат. В отличие от уступленных "варварам" рейнских областей, Провинция после их нашествий почти не изменилась; те же, хотя и напоминающие скорее укрепленные деревни, нежели обычные имения, виллы; богатые, процветающие города; повсюду – виноградники и оливковые рощи. Завтра я намереваюсь выехать в Аквитанию (надеюсь, готы меня пропустят), где собираюсь разыскать Аэция для того, чтобы заявить о своей отставке. Я должен с ним повидаться – хотя, наверное, проще (а возможно – и безопаснее) было бы просто прекратить выполнение моих обязанностей в Равенне и уйти со службы без единого слова».

Пытаясь подавить мрачные предчувствия, Тит переминался с ноги на ногу у командирской палатки в штабе армии Аэция, разместившемся рядом с визиготским поселением в Толозе. Охранявшие вход в палатку часовые сказали ему, что полководец ведет переговоры с некими визиготскими вожаками – попытка готов завладеть Арелатом и расширить тем самым свои территории потерпела неудачу, и теперь стороны договаривались об условиях мирного соглашения.

Часа через два предводители готов, замкнутые и угрюмые, покинули палатку Аэция. Их внешний облик поразил Тита до глубины души. В отличие от бургундов, одевавшихся и выглядевших в строгом соответствии с тевтонскими традициями – брюки, длинные волосы и т.д., готы носили римские одежды, были коротко подстрижены и гладко выбриты. Лишь высокий рост и светлая кожа свидетельствовали об их германском происхождении.

После того как о прибытии Тита было доложено полководцу, Руфина пропустили в палатку, разделенную на две части; передняя, завешенная картами и планами, представляла собой своего рода «комнату» для совещаний, задняя, скрытая занавесом, вероятно, предназначалась для сна и отдыха.

¹³ 5 октября 431 г.

– Проходи, – произнес знакомый голос. Отдернув занавеску, Тит шагнул в личный покой полководца. Сидевший за заваленным свитками пергамента и письменными принадлежностями столом Аэций имел нетипично напряженный и усталый вид.

– Иногда они бывают такими утомительными, эти визиготы, – заметил Аэций. – Двадцать один год назад Констанций дал им Аквитанию, лучшую землю в Галлии, и, что ты думаешь, они остались довольны? Как бы не так! Время от времени готов охватывает жажда новой наживы, вот и приходится раз за разом ставить их на место. Хорошо еще, что мы с их королем Теодоридом неплохо ладим – точнее сказать, умеем устранять возникающие недоразумения; зная, что я за ним внимательно слежу, он не дает своим людям особо распоясаться. И, скажу я тебе, чаще всего у него это получается. Ну, Тит Валерий, что привело тебя сюда? Дворцовый переворот в Равенне? Валентиниану надоело жить под полой у своей мамочки? Сколько ему сейчас – лет двенадцать?

Ходить вокруг да около Тит не стал. Нервно сглотнув, он заявил:

– Господин, я приехал сказать, что оставляю свою службу.

Несколько секунд Аэций пристально рассматривал юношу.

– Ах вот как? Что же подвигло тебя к такому решению, могу я спросить? Позволь мне самому догадаться – эти разговоры про меня и Бонифация. Я прав?

– Если вы можете опровергнуть эти слухи, господин, с превеликим удовольствием буду служить вам и далее.

– Как это великодушно с твоей стороны! Есть, правда, один маленький факт, так, пустячок, который ускользнул от твоего внимания, Руфин. Тебе было приказано оставаться в Равенне и собирать информацию. Я тебя от твоих обязанностей не освобождал. С формальной точки зрения это делает тебя дезертиром – особенно, принимая во внимание *status belli*, существующий между мной и имперским правительством. Я мог бы тебя арестовать прямо здесь. Перефразируя Марка Аврелия, выражусь так: «Никогда не злоупотребляй доверием того, кто значительно тебя сильнее».

– У меня были определенные сомнения, господин, – возразил Тит. – Разве это меня не оправдывает?..

– Ох, избавь меня от этих речей, – оборвал его Аэций. – Честь... предательство... спасение Рима... *et cetera, et cetera*. Брут бы тобой гордился.

– Не такие уж это и неважные вещи, господин, – возмущенно вскричал Тит. – Послушайте, вы же и сами многого добились в Галлии: остановили франков в Нижней Германии, убедив их стать верными союзниками Рима; вынудили визиготов не переходить границы выделенных им территорий; заключили мир с бургундами. Зачем же, господин, враждовать с Бонифацием? Вместе вы могли бы вернуть Риму былое могущество – как Клавдий Готик и Аврелиан, Диоклетиан и Константин.

– Ты не тем занялся, Руфин, – сухо сказал Аэций. – Тебе следовало стать оратором. Я скажу тебе, что важно. Выживание. Не думаешь же ты на самом деле, что то, что я делаю в Галлии, я делаю ради славы Рима? Если же так, то ты еще больший глупец, нежели я предполагал. Пойми, слабакам нет места в этом мире. Как и Юлий Цезарь до меня, в Галлии я выстраиваю лишь стартовую площадку, которая позволит мне совладать с моими политическими врагами – кто они, ты и сам знаешь. – Нацарапав несколько слов на клочке пергамента, Аэций протянул его Титу. – Вот документ о твоем увольнении со службы. Я не забыл, что ты когда-то спас мне жизнь; полагаю, теперь мы квиты. – Он окинул Тита оценивающим взглядом. – Знаешь ли, тебе бы следовало меня держаться. Сколько тебе сейчас – двадцать шесть, двадцать семь? Я мог бы что-нибудь из тебя вылепить, сам же ты никогда ничего не добьешься. Мне так и видится твоя смерть – во имя Рима, конечно же – в каком-нибудь бою с варварами, в одном из Богом забытых уголков империи. Ну а теперь, – полководец указал на засыпанный документами стол, –

мне нужно готовиться к переговорам – они еще не закончились. Будь добр опустить за собой занавеску.

Кипя от возмущения – то, *как* была обставлена его отставка, крепко уязвило самолюбие Тита, – Руфин-младший так дернул занавеску, что едва не вырвал ее из колец, на которых она держалась. Буквально на секунду, в тот момент, когда Аэций протянул ему пергамент, Титу показалось, что в глазах полководца промелькнула тень сожаления. Очевидно, он просто ошибся.

Не доходя пары шагов до закрывавшего вход в палатку откидного полотнища, Тит заметил лежащий на столе, среди сваленных грудой листов папируса, кодекс. Необыкновенно красивый кодекс; на искусно вырезанной из слоновой кости обложке была изображена некая мифологическая сцена. Не сумев противостоять влечению, Тит ринулся к столу, схватил кодекс в руки, открыл. Вощеные дощечки были чисты, лишь одна, первая, несла на себе короткую загадочную надпись: «Его Филиппы – пятый миллиарий от А.».

Глава 13

*Установлен во времена правления императора Флавия Валерия Константина, в пяти милях от Аримина.
Надпись (предполагаемая) на пятом миллиарии от Римини, по Виа Эмилия, римской военной дороге*

Тит проехал по длинному, в пять пролетов, Ариминскому мосту из белого мрамора, миновал триумфальную арку, возведенную еще при Августе для обозначения места пересечения Виа Фламиния и Виа Эмилия, и направился на северо-запад по последней.

Уходившая к югу Виа Фламиния километров тридцать шла вдоль побережья, а затем поворачивала вглубь страны, к Риму. То была настоящая Италия: аккуратно разделенная на земельные угодья и виллы, усеянная небольшими городами, затененная Апенниннами. К северу, ограниченная с юга Виа Эмилия, простиралась широкая аллювиальная болотистая местность бассейна реки Пад, древняя провинция Цизальпинская Галлия, совершенно не похожая на Италию и потому казавшаяся чужой, иноземной.

Расшифровать загадочную надпись из кодекса Аэция оказалось совсем не сложно. «Его Филиппы», безусловно, означало место, где должно было окончательно решиться – в ту или иную сторону – противоборство между Аэцием и его главным соперником, Бонифацием. Тит помнил: у этого города Марк Антоний и Октавиан разгромили войска Брута и Кассия. «Пятый миллиарий от А.»? «А», теоретически подходившее к любому из тысяч мест, должно, решил Тит, находиться в непосредственной близости от равеннского штаба Бонифация. Тит резонно предположил, что хлебнувший в Африке немало горя Бонифаций, подобно раненому животному, инстинктивно захочет держаться поближе к своей базе. Аэций, несомненно, тоже это понимал и собирался навязать своему сопернику битву на таких условиях, при которых сам он мог бы чувствовать себя хозяином положения.

Если исходить из этой теории, подумал юноша, то «А» (при условии, что мы будем двигаться с севера на юг по воображаемой дуге, проведенной над Адриатикой) – это один из следующих населенных пунктов: Аквилея, Алтин, Атесте, Аримин, Анкона. Весьма вероятно, что это – Аримин, ближайший из этого перечня к Равенне город. Он уже исследовал местность в радиусе нескольких сотен шагов от пятого миллиария как по Виа Попилиа (прибрежной дороге, ведущей от Аримина в Аквилею), так и по Виа Фламиния. Установленный на первой из этих дорог пятый миллиарий окружали солончаковые болота, дюны и лагуны – абсолютно неподходящее для сражения место, решил Тит. Проехав восемь километров по Виа Фламиния, юноша обнаружил себя посреди пахотных земель – тоже не самый идеальный вариант для размещения войск. «Пятый миллиарий», на какой бы из дорог он ни находился, должен располагаться в местности, которая гарантировала бы Аэцию тактическое превосходство, такой местности, куда можно было бы убедить Бонифация привести его армию. Кроме двух этих дорог, из Аримина вела лишь Виа Эмилия, по которой Тит теперь и ехал. Приближалась осень. Зимой в этих местах часто идут дожди и дует холодный альпийский ветер. Скорее всего, Аэций не планирует сразиться с Бонифацием раньше весны, что дает обеим сторонам время на подготовку. «Чего Бонифаций еще не знает, так это, что все его приготовления во многом будут зависеть от того, что мне удастся разузнать», – улыбнулся Тит.

Ведя свою лошадь по ровной обочине прямой, как стрела, Виа Эмилия, Тит уже через час оказался у пятого миллиария. Тот представлял собой цилиндрический столб из известняка, установленный на прямоугольном постаменте и несший на себе такую надпись: «*IMP. CAES. FLAV. VAL. CONSTANTINO: AB ARIMINO M. P. V.*».

Юноша сверился со своей дорожной картой, на которой Виа Эмилия была разделена на части, и занес в нее бросающиеся в глаза особенности окружавшего его ландшафта. Внизу, под дорогой, протекала по дренажной галерее небольшая речушка Узо. (Где-то впереди, в паре километров отсюда, течет знаменитый Рубикон, вспомнил Тит.) К северу от дороги простирались огромные заросли тростника. Тит пометил их на карте и подписал чуть ниже: «*cuniculi*», сточные каналы. Юноша посмотрел направо – сплошные болота. Фактически, Виа Эмилия представляла собой возведенную над топями насыпную дорогу, пусть и довольно широкую.

Тита Валерия Руфина охватило отчаяние. Несмотря на близость Рубикона, историческая ассоциация с которым вполне могла привлечь Бонифация, из трех возможных вариантов этот выглядел наименее обещающим. С точки зрения тактики ни один из исследованных им районов не внушал оптимизма. «Возможно, я ошибся и «А» – это не Аримин, а нечто иное. Начался дождь, и настроение Тита упало до предела. В считанные минуты он промок до нитки; собираясь в огромные лужи, дождевые потоки стекали в придорожные рвы. Тит уже развернул лошадь в сторону города, когда услышал громкое журчание – то бежала по дренажным канавам вода. Лицо Руфина просветлело: вот они, Филиппы, выбранные Аэцием для Бонифация.

Глава 14

*Вечные холмы не меняются подобно лицам людей.
Тацит. Анналы. 110 г.*

Подойдя к западным воротам равеннского императорского дворца и попросив проводить его к Бонифацию, Тит получил вежливый, но твердый отказ.

– Извините, господин, – сказал один из стражников. – У нас приказ: вас не пропускать.

– Но мне просто крайне необходимо переговорить с комитом, – настаивал Тит. – А не пускать меня вам приказали лишь потому, что я когда-то состоял на службе Флавию Аэцию. Теперь же я ее покинул. Убедитесь сами. – Он протянул стражнику пергамент, выданный ему Аэцием. – Вот удостоверение об увольнении, подписано самим полководцем. Покажи кому-нибудь из начальства и повтори то, что я тебе сказал. Могу и подождать. – Напустив на себя беззаботный вид, Тит начал подкидывать на ладони *tremissis*, небольшую золотую монету достоинством в третью часть *solidus*, одну из тех, что сохранились у него со времен службы Аэцию.

– Посмотрю, что можно сделать, господин, – заговорщицки подмигнул Титу стражник, ловко поймав монету на лету. Заменявшись на посту, он побежал к главному зданию и через полчаса вернулся в сопровождении одного из помощников магистра оффиций.

– Следуйте за ним, господин.

Титу вновь пришлось пройти по садам, широкому пассажию между четырьмя центральными строениями, длинному перистиллю и портику, через который он попал в императорские апартаменты – все это ему было знакомо со времен давней стычки с императрицей и ее сыном. Служащий открыл дверь, и Тит оказался в коридоре – пустом, за небольшим исключением: навстречу ему шли два огромных нубийца в туниках-безрукавках, какие носили рабы. Дверь позади Тита резко, со щелчком, захлопнулась, и он догадался, что угодил в ловушку.

Инстинктивно он понимал, что сопротивление бесполезно: эти люди тренированные атлеты, гораздо более ловкие и искусные в бою, нежели он сам. Тем не менее Тит решил принять вызов. Когда нубийцы приблизились к нему, он нанес первому такой удар ногой в солнечное сплетение, который, несомненно, свалил бы с ног любого обычного противника. С тем же успехом он мог бы пнуть и дерево; невольник лишь что-то проворчал и продолжил свой ход. Второй выпад Тита – основанием ладони он врезал рабу в подбородок – имел тот же эффект. И тут он почувствовал мучительную боль: нубийцы выкручивали ему руки. Понимая, что, еще чуть-чуть, и они будут сломаны, он прекратил сопротивление и позволил препроводить себя в большую, украшенную колоннами залу, где на тронах сидели императрица Галла Плацидия и ее сын, Валентиниан. Император, угрюмого вида паренек лет двенадцати-тринадцати, был высок и для своего возраста неплохо развит. От своего деда, великого Феодосия, он унаследовал длинный нос и красивые карие глаза, но вот безвольным подбородком и сложившимися в раздражительную гримасу губами он напоминал своего августейшего дядю, слабохарактерного Гонория.

– Что заставляет тебя так упорствовать – заносчивость, или же крайняя глупость? – холодно спросила Плацидия. – Ты начинаешь мне надоедать. Не удовлетворившись нападением на императора, ты, как сказал мне папа, набросился на епископа в его, заметь, собственном дворце, а теперь имеешь наглость просить аудиенции. Ты вообще должен благодарить судьбу, что живешь еще на этом свете. Ты что, действительно думал, что *вот это* что-то меняет? – И она помахала перед лицом Тита выданным ему Аэцием пергаментом.

– Мама, у меня предложение, – прошепелявил Валентиниан, и глаза его зажглись огнем.

– У нас предложение, – мягко поправила сына императрица. – Да, Флавий?

– Эти двое слуг предотвратили нападение на нашу персону и убили нападавшего прежде, чем он успел до нас добраться. Умно, как ты думаешь?

Плацидия снисходительно улыбнулась.

– Полагаю, это бы избавило нас от многих хлопот. Что ж, так тому и быть. – Она кивнула нубийцам.

Один из них сжал руки Тита своими, словно тисками, другой, обхватив голову юноши, начал выкручивать ее в сторону. Ужас обуял Тита: он понял, что, не случись чудо, через пару секунд ему свернут шею.

И чудо случилось. Дверь распахнулась и в комнату вошла знакомая огромная фигура: Бонифаций.

– Приношу свои извинения, ваши светлости, я полагал... – При виде происходящего комит застыл на месте.

– Помогите! – прокаркал Тит.

Выглядевший сколь удивленным, столь и обеспокоенным, Бонифаций поднял руку в командном жесте. Тит почувствовал невероятное облегчение: сжимавшая его горло хватка ослабла.

– Кто-нибудь объяснит мне, что здесь происходит? – озадаченно поинтересовался Бонифаций.

– Этот человек пытался убить меня, – мрачно сказал Валентиниан.

– Это неправда! – в отчаянии закричал Тит. – Помните меня по Африке, господин? Я привозил вам письмо от комита Аэция.

– Припоминаю, было такое. – Бонифаций кивнул нубийцам, и те отпустили Тита. Повернувшись к императрице, комит успокаивающе промолвил:

– Элия, дорогая, это, должно быть, какое-то недоразумение. Я знаю этого юношу. Возможно, он и служит этому изменнику, Аэцию... но чтобы он был убийцей? В это я ни за что не поверю. В молодости я сражался под руководством его отца против готов Радогаста. Лучшего солдата, чем полководец Руфин, и представить себе невозможно...

– Я пришел сюда повидаться с вами, господин, – заявил Тит, потирая шею. – Аэцию я больше не служу. Взгляните сами: в руках у ее светлости документ о моем увольнении.

– Элия? – укоризненно поднял брови Бонифаций.

Пожав плечами, императрица признала поражение.

– Ох, как я от всего этого устала... Полагаю, ты и сам во всем разберешься. И еще: ты окажешь нам большую услугу, если уберешь этого типа с глаз наших подальше – он у нас уже как кость в горле.

* * *

– Так ты, значит, ушел от Аэция, – сказал Бонифаций, когда они с Титом уединились в дворцовых покоях комита. Он окинул Тита проницательным взглядом. – Тогда тебе, должно быть, интересно будет узнать, что я на днях получил от Аэция письмо, в котором он предлагает мне явиться в следующем году на переговоры с ним к...

– ... к пятому миллиарию от Аримина, – возбужденно выпалил Тит, – по Виа Эмилия.

– Именем Юпитера, ты-то уж как узнал об этом? – спросил немало пораженный Бонифаций.

– Если позволите, господин, расскажу все по порядку. Началось все с того, что как-то раз я повстречал одного из ваших бывших солдат, калеку-ветерана, который назвался Проксимом...

Ничего не утаив, Тит поведал комиту о своем разговоре с Проксимоном и покушении на его, Тита, жизнь; спорах с отцом; стычке с епископом Пертинаксом; размолвке с Аэцием; наконец, о поездке в Аримин.

– Именно так там и было написано: «Его Филиппы», – закончил он, – что навело меня на мысль, что Аэций готовит вам западню.

– Что ж, благодаря тебе, я смогу поразмыслить над тем, как ее избежать. Предложить провести переговоры недалеко от Рубикона, – пробормотал он задумчиво. – Хитро. Знает, как я люблю всякие исторические совпадения. Это моя слабость, должен признать, – вот он и решил ее использовать. Если бы ты знал, мой юный друг, как я тебе благодарен... – Он оценивающе взглянул на Тита. – Итак, приятель, значит, говоришь, хочешь теперь служить мне. Что ж, польщен, весьма польщен. Только вот не понимаю, зачем тебе это – все-таки в Африке я, скажем так, показал себя не с самой лучшей стороны.

– В вас верит мой отец, господин, а я полагаюсь на его суждение.

– В таком случае, добро пожаловать на борт, Тит Валерий. Завтра же произведем тебя в *agens in rebus*, сразу же и начнешь приносить пользу. Я как раз искал человека для одной работенки: думаю, ты – тот, кто мне нужен.

* * *

Пятеро следовавших за Титом всадников пустили лошадей шагом – по крутым апенинским предгорьям иным аллюром идти они просто не могли. Заметив это, Тит улыбнулся: казавшаяся рутинной командировка грозила перерасти в увлекательное приключение. Лошадь, чистоплеменного ливийского скакуна, они с Бонифацием вместе выбирали во дворцовых конюшнях. То был крепкий, быстрый, неутомимый конь, и Тит не сомневался, что при желании он уйдет от любой погони. У его преследователей, насколько позволяло об этом судить разделявшее их с Титом расстояние в несколько сотен шагов, были статные парфянские скакуны, лошади надежные и крепкие, но все же сильно уступавшие североафриканским в скорости и выносливости.

Кто эти люди, в который уже раз спрашивал себя Тит. Подобных лошадей использует римская конница, так что, возможно, они солдаты. Может быть, они посланы недругами Бонифация – а таковых среди придворных было предостаточно, видевшими, как Тит покидал дворец? Бандиты на украденных армейских лошадях? Грабежами на римских дорогах уже никого нельзя было удивить: крестьяне и люди труда, доведенные до отчаяния чрезмерными налоговыми сборами, оставляли поля и города ради преступного промысла.

Между тем ничто не могло испортить прекрасное настроение Тита в этот погожий осенний день. Все его неприятности и беды, казалось, остались позади. Отношения с отцом наладились, и теперь Гай поправлял свое здоровье в недрах новой, германской семьи; дела на вилла Фортуната вновь пошли в гору. Маленький Марк, сын Тита, рос крепким и здоровым. Наконец, при посредстве Бонифация, урегулировал он и свои отношения с Плацидией, которая простила свежеиспеченного *agens in rebus*, пообещав забыть о вендетте. Несмотря на эйфорию, он не мог подавить печаль, вызванную тем, что Аэций, потерпевший неудачу полководец, оказался колоссом на глиняных ногах. Но теперь Тит служил другому господину – и чувствовал, что принял правильное решение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.